

АЛЕКС ДЕЛАКРУЗ

КНИГА
ВТОРАЯ

КРАСНЫЙ РАССВЕТ

Алекс Делакруз
Красный рассвет.
Черный отряд
Серия «Красный рассвет», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Удивительно знакомый и в то же время чужой мир. Мир, где Третья мировая случилась сразу после Второй, и где в 2023 году выжившие великие державы спорят за контроль над территориями Африки и Северной Америки.

Ему всего двадцать один. Привычная жизнь давно разрушена, за спиной – перекрестки иных миров. Он в этом мире чужой, и он здесь как предвестник открытия врат, из которых скоро хлынет орда демонической нечисти. И ему нужно не просто об этом сообщить, но и заставить себе поверить.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	53
Глава 4	63
Глава 5	78
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Алекс Делакруз

Красный рассвет.

Черный отряд

Глава 1

Проснулся я, как это обычно и бывает, перед самой посадкой. Прислушался – ну да, двигатели гудят заметно громко. Открыл глаза, выглянул в иллюминатор, посмотрел на поблескивающую совсем недалеко снизу водную гладь.

Беспосадочный перелет Москва–Нью-Йорк на семь с половиной тысяч километров подходил к концу. Проморгавшись и сдержав зевок, выпрямился в кресле и нажал кнопку регулировки, после чего спинка со слышимым жужжанием начала подниматься в обычное положение.

В небольшом комфортабельном салоне никого, так что с удовольствием все же зевнул, раскрыв лицо на максимум. Как раз в этот момент из служебной части появилась стюардесса по имени Жанна с кружкой кофе для меня, так что рот пришлось срочно закрывать.

– Лучше пересесть, – неожиданно сказала Жанна, показывая на кресла у столика с другой стороны салона, куда и поставила принесенный мне кофе.

Спрашивать, зачем пересаживаться, я не стал, просто встал и последовал совету, сразу выглянув в иллюминатор. Сначала видно было немного – все та же вода под крылом. Вскоре, как раз я кофе допил, самолет накренился в правом развороте. Когда выровнялся, я увидел проплывающую под крылом береговую линию и жилые кварталы. Смотрел внимательно: Нью-Йорк в этом мире не был больше городом Нью-Йорком в привычном для меня понимании. Здесь это место называлось «Зона Нью-Йорк», являясь протекторатом – зоной международного контроля.

Во время Третьей мировой практически весь город был уничтожен ядерной бомбардировкой, а восстановлен далеко не целиком. Сейчас это скорее даже не город, а территория двухмиллионного гетто, с огороженными высокими четырехметровыми заборами районами и колючей проволокой по всем периметрам.

Именно отсюда, расплзаясь по всему миру язвами, начался институт неграждан. Негров, если по-русски, или энси и нонси по-английски или по-французски. Non-citizen и non-citoyen соответственно, как официально называли жителей и резидентов протекторатов, свободных территорий и зон международного контроля.

Зачем Жанна попросила меня пересесть стало понятно, когда я увидел статую Свободы. Величественный памятник, встречавший переселенцев, пересекающих океан за американской мечтой – на это действительно стоит посмотреть.

– Уцелела или восстановили? – только и спросил я Жанну, не оборачиваясь от иллюминатора.

– Восстановили. Четыре года назад.

Вот сейчас обернулся, посмотрев на спутницу с удивлением.

– Сами американцы восстановили?

– Нет, кто бы им дал, здесь же международная зона. Французы в ООН продавили.

– Ах вот как. Снова.

В первый раз ведь статую Свободы тоже французы ставили, это я знал. «Не-граждане» в этом мире, кстати, тоже первоначально их придумка, которую после англосаксы раскрутили.

– Да, снова, – подтвердила Жанна.

– Им зачем? Это ж символ возрождения, самый настоящий. Будь я американцем из САСШ, я бы после воссоздания Статуи Свободы испытал невероятный патриотический подъем.

Я вдруг понял, что статуя не исчезает из поля зрения – пилот ее облетал, словно показывая мне. Хотя почему «словно», наверняка так оно и было. Жанна в этот момент мягко взяла меня за предплечье. Я к ней не оборачивался, но чувствовал, что она тоже в окошко смотрит.

– В этом-то все и дело. Французы грамотно отсиделись в сторонке во время двух последних мировых войн и, хотя сейчас влезли целенаправленно в Большую игру, принося-

шую успех тактику не меняют.

Если бы кто-то сейчас со стороны смотрел и слушал на нас, наверняка подумал бы, что у странного пассажира происходит довольно странный разговор со стюардессой. Вот только Жанна была не только стюардессой в моменте, но и самым настоящим товарищем майором из Федеральной службы безопасности, так что к ее словам я прислушивался с максимальным вниманием.

Да и пилоту именно она, скорее всего, дала указание сделать круг вокруг статуи. Хотел было спросить об этом, потом передумал – наверняка ее инициатива, что спрашивать. Спросил о другом.

– То есть если будет четвертая мировая, думаешь, вместо французов воевать будут американцы САСШ?

– Думаю, что это будут американцы со всего Севера.

– Ну, я это и имел в виду, просто перепутал.

Да, САСШ – Североамериканские Соединенные Штаты, и Север – здесь разные понятия. САСШ – восемнадцать штатов разобранных США, сосредоточенных на северо-востоке бывшей великой державы, а Север – собирательное название всех территорий севера материка, включая международные и национальные зоны, территории и протектораты.

– Вообще не если четвертая мировая будет, а когда, – сделала важное замечание Жанна, после чего я аж обернулся, чтобы ей в глаза посмотреть. – Смотри-смотри, – показала мне она на иллюминатор.

Наш небольшой служебный Ил-108 уже обогнул полным кругом статую Свободы. Обернувшись по жесту Жанны, я увидел комплекс зданий штаб-квартиры ООН, мимо которого мы сейчас пролетали на довольно низкой высоте. Но и кроме здания ООН было на что посмотреть: остров Манхэттен – благополучный и яркий сэттльмент в центре крупного криминального гетто, от которого его отделяла река, КПП на мостах и вооруженная охрана миротворческих сил.

В этом мире Манхэттен не плотно заставлен высотками – далеко не все здания восстановили после войны, и остров стал зеленой зоной, доступной для посещения лишь избранным.

Я только успел присмотреться к зеленым улицам и паркам, но в этот момент самолет лег на крыло и здания ООН вместе со всем зеленым Манхэттенем исчезли из вида. Еще пара поворотов, сложившихся в разворот, и мы наконец пошли на посадку.

Как я увидел на экране информационного табло в салоне, садились мы в аэропорту Ла-Гуардия. Этот аэропорт, находящийся на отдельном участке земли на побережье залива, был вынесенным за пределы острова частью сэттльмента «Зона Манхэттен», огороженной от жилых кварталов традиционным здесь забором четырехметровой высоты и простреливаемой полосой отчуждения.

Официально принимал аэропорт только рейсы международных делегаций, направляющихся на остров в свои мис-

сии и представительства, или же визитеров штаб-квартиры ООН.

Когда мы приземлились, пока самолет рулил вокруг терминалов, Жанна ушла. Я во время рулежки с интересом смотрел по сторонам. Самолетов, несмотря на закрытый статус аэропорта, вокруг немало. Увидел даже несколько суборбитальных челноков в ливрее авиакомпаний разных стран. Заметил и раскраску космической авиации Аэрофлота, вот только название корабля не смог прочесть из-за дальности. А интересно было, тот ли это «Владимир Петляков», который меня из Флориды до Петрограда через половину мира за три часа доставил.

Остановился наш Ил-108 не у терминала. Встали мы на отдельной стояночной площадке, после чего уже привычно прямо к самолету подъехала машина. В этот раз с красными дипломатическими номерами, а не с синими служебными, с какими меня вчера по Питеру и Москве катали.

Кто бы мог подумать еще год назад (два если по календарю, хронологический год временная аномалия Осколков съела), что меня будут как особо важную персону возить между континентами специальными рейсами и прямо у трапа самолета встречать.

Жанна к моменту подачи машины вернулась. Она уже переделалась – в деловой костюм, причем кардинально сменив образ, дополнив его очками с простыми стеклами и портфелем для бумаг. Волосы Жанна стянула в тугий хвост, так что

выглядела как самый настоящий секретарь-референт при исполнении.

Села в машину на заднее сиденье вместе со мной – кроме водителя, больше никого в салоне не было. Но когда выехали из аэропорта по служебному проезду, к нам пристроились две полицейские машины сопровождения с мигающими проблесковыми маячками.

На приличной скорости мы выскочили на широкую и поднятую над улицами грязного гетто магистраль. Пейзажи снизу проносятся такие, что хоть кино снимай про постапокалипсис в странах третьего мира. В моем мире здесь вроде бы был вполне приличный район Куинс, где жили работавшие на Манхэттене белые воротнички, а в этом мире вот так.

Несколько минут езды, после чего мы подъехали к первому КПП. Проехали без досмотра, просто с остановкой перед шлагбаумом. Оказались на небольшом острове, также проскочили его по приподнятой широтной магистрали и подъехали ко второму КПП, уже перед мостом непосредственно на Манхеттен. Здесь также нас не проверяли, но снова последовала небольшая остановка перед шлагбаумом для визуального осмотра, после чего мы въехали на территорию благополучного оазиса сэттльмента.

А ничего здесь, симпатично – оглядывался я по сторонам на утопающие в зелени улочки, на которых размещались самые разнообразные здания. Почти все новострой, после ядерной бомбардировки здесь мало что уцелело. И еще

меньше зданий восстанавливали, больше отстраивая новое.

Генассамблею ООН восстановили, а также несколько других зданий. Незнаковых зданий, максимально избегая символизма – речи о том, что восстанавливать небоскребы Эмпайр-стейт-билдинг или Рокфеллер-плаза, например, даже не шло. Как мне рассказала Жанна недавно, периодически начинаются общественные кампании, но успех редко когда имеют.

Сейчас, например, президент САСШ вынес в ООН предложении о восстановлении Флэтайрон-билдинг, знаменитого здания-утюга, построенного на Манхэттене в начале двадцатого века. На волне воодушевления от новой жизни статуи Свободы, полагаю, так возбудился.

Пока я смотрел по сторонам, читая вывески и дорожные указатели на разных языках, мы уже приехали к внушительному зданию в стиле «сталинского ампира». Вот это точно новодел. Во двор заезжать не стали, высадили нас прямо у главного входа. Поднялись по широким ступеням крыльца, где я увидел примечательную вывеску:

Министерство торговли Российской Федерации

Отдел по экономическому сотрудничеству со странами и протекторатами в Северной Америке

После того как СССР распался, а после воспрянул как феникс в виде военно-политического Советского Союза, в Рос-

сийской Федерации вернулся двуглавый орел в государственную символику, но при этом серп и молот никуда не ушел. И Министерство торговли серп и молот из собственного логотипа убирать не стало, поэтому надпись: «Российская Федерация» на фоне старого герба СССР для меня смотрелась весьма удивительно. Непривычно, вернее.

Вход в здание охраняли морские пехотинцы, которые внутрь пропустили нас беспрепятственно, после того как Жанна пропуск провела по считывателю. Вообще мы сейчас в том самом Отделе, кстати, в котором Родионов официально заместитель. И занимается он здесь, как понимаю, именно экономическим сотрудничеством; только занимается по фон Клаузевицу, который утверждал, что война – это продолжение политики иными средствами, а политика – концентрированное выражение экономики.

Вот не рыночной купли-продай, а этой самой определяющий миропорядок экономикой Родионов на должности заместителя Отдела экономического сотрудничества по Северной Америке и занимается, похоже. Это я во время стихийного бедствия, надо сказать, весьма удачно зашел в захваченный гангстерами особняк. И для себя, и для Родионова, если уж на то пошло – зашел бы я попозже, или вообще бы не зашел, и он скорее всего бы умер.

В принадлежащем министерству комплексе зданий оказалась ведомственная гостиница, в которой мне предсто-

яло провести несколько дней практически в одиночестве: со мной, в качестве спутницы неясного назначения оставалась Жанна.

Не телохранительница, но вроде как приглядывает и выполняет роль ходячего справочника. Не более – после того, как мы с ней провели сумасшедшие по эмоциям три дня и три ночи на базе отдыха, довольно редко покидая кровать, сразу за порогом сестрорецкого коттеджа отношения изменились. Больше никаких намеков или фривольностей, совершенно рабочие отношения; Жанна с того момента вела себя подчеркнуто официально.

Мне казалось, что если я намекну на повторение пройденного, то последует мягкая, но однозначная отповедь. Захотелось даже попробовать, но сдержался. Все же Жанна в первую очередь даже не товарищ майор, а дипломированный психолог, манипулировать и играть на струнах души умеет прекрасно, сама признавалась. Может, и сейчас пытается, кстати, но взятая ей дистанция меня наоборот даже устраивала.

Поначалу устраивала, первые несколько часов. Уже в первый вечер после ужина Жанна вновь включила свое обаяние, и когда она уходила – двигаясь вроде как обычно, вновь я не мог взгляд оторвать, пока девушка не исчезла из вида.

Допускаю, что она начала вольно или невольно отрабатывать пункты стратегии «привязать к себе объект интереса», то есть меня. Тем более что несколько дней практиче-

ски без контактов с другими людьми, проведенных практически наедине с Жанной, успеху явно способствуют. К счастью, в следующие дни она не на постоянной основе включала своей ведьминский режим очарования. Но и без этого было непросто, только спортзал меня спасал.

Хотя даже когда упаривался на тренажерах до красных кругов в глазах, изредка нет-нет, да и мелькала мысль: может Жанна сейчас не выполняет рабочую программу, может это у нее было действительно искреннее, как и говорила она мне совсем недавно?

Мысль мелькать мелькала, но без продолжения и душевных терзаний. Полагаю, будь на моем месте другой человек, у него давно бы уже влечение и желание превалировало над разумом, потому что товарищ майор на струнах души играть умела хорошо. Может даже ее показательное безразличие и есть часть игры, не исключаю.

Но я все же за прошедший год видел сразу три мира, два из которых стояли на грани уничтожения, а также успел поучаствовать в первых рядах в войне с демонической нечистью. Так что меня, в отличие от большинства, заботили совсем иные проблемы – масштабные. И приятные глазу формы Жанны, а также ее чарующий голос и обаятельная улыбка помешать этому... хотя кому я вру, поскорее бы непонятное ожидание закончилось.

Помогли мне, неожиданно, охраняющие российскую манхэттенскую миссию морпехи. Спортзал я в комплексе зданий

посещал обычный, не для важных персон, где и они форму поддерживали. Общий язык мы нашли быстро, ну а когда в спарринге с крепкими парнями раз за разом крепко получаешь по голове, самые разные мешающие жить мысли из этой самой головы отлично выкидывает.

Сидение в гостинице закончилось к вечеру четвертого дня, когда в Нью-Йорк прилетел Родионов. Немногословные охранники проводили меня к нему в кабинет на верхнем этаже главного здания, откуда открывался панорамный вид на благополучный и яркий Манхэттен.

Сейчас, когда на землю опустилась темнота, контраст еще более заметен, чем при свете дня. Улицы сэттльмента на острове ярко освещены, а за естественной преградой пролива – погруженная во тьму зона Нью-Йорк, в районах которой нет повсеместного уличного освещения, и лишь в редких местах заметны крупные очаги электрического света. Самый яркий из которых – аэропорт Ла-Гуардия, тоже островок благополучия.

«Все, чего касаются лучи солнца – благополучная земля, Симба.

– А что там в тени?

– Криминальное гетто, лучше туда не ходить», – перефразировал я фразу из мультика про Короля льва из моего мира.

Бросил последний взгляд в окно, оглядывая темные районы Нью-Йорка, ставшего зоной, а не городом и прошел к столу, за которым меня терпеливо ожидал Родионов.

– Если коротко: волноваться не о чем, мы договорились, – сходу резюмировал он достигнутый результат.

– Ясно. Что это было?

– Ты про попытку увезти тебя по повестке?

– А было что-то еще?

В ответ Родионов довольно странно пожал плечами. Так, а действительно, что еще было в Москве, кроме бегства из гостиницы и разговора со Станкевичем? Не просто же так он спросил? Думай, голова, думай, что там еще было?

Похоже, спарринги с морпехами выбили у меня не только ненужные мысли, но и нужную сообразительность, что-то даже догадок никаких близко нет. Отвлек Родионов, который начал говорить.

– Это был, как нам довели, эксцесс исполнителя. Тебе просили передать официальные извинения и сообщить что все не так, как выглядело. Виновные в применении столь топорного подхода будут наказаны.

– Ну да, ну да, – покивал я.

Родионов усмехнулся, всем своим видом показывая, что полностью со мной и проявленным скепсисом согласен. Эксцесс исполнителя, конечно: сначала попытаться меня упаковать даже не поздоровавшись, используя для этого безликих исполнителей, а после – заблокировать гостиницу масштабными силами военной полиции, чтобы вручить мне повестку.

– Кто это был?

– Если в общем, работало военное ведомство.

– Если в частности, кто там конкретно?

Родионов только плечами пожал.

– Не знаю. Seriously не знаю. Известно, что военная разведка достала информацию о тебе у британцев. Да, я склонен верить – хотя они там у них в парламенте как дома, что ли, не понимаю. Но именно так на тебя и вышли, дальше ты видел – решили забрать себе, сначала по-тихому, потом по-громкому.

Я почувствовал в словах Родионова недосказанность.

– Но?

– Но ради того, чтобы вызвать тебя повесткой, было сделано довольно много движений. Ты же понимаешь, что фарш обратно не провернешь, приказы не отменишь и дивизии в расположения не вернешь?

– Аж целые дивизии двинули, чтобы меня на службу вызвать?

– Внеплановая проверка боевой готовности армейского корпуса.

– Seriously.

– Согласен, широко размахнулись. В общем, наши... ведомства, так скажем, договорились. По итогу ты заплатишь потом административный штраф без суда, предъявив доказательства утери общегражданского телефона как средства связи и подтверждение уважительных причин невозможности личной явки. После того, как поступишь в офицерскую

школу Береговой охраны, претензии к тебе будут сняты автоматически. Начало обучения в начале июня, как и обговаривалось ранее. За это время действуем по старому плану: ты передаешь все знания, которыми обладаешь, и помогаешь их структурировать. Единственное изменение – теперь твоим куратором будет не только Юрий Семенович, но и пара человек от наших коллег из военного ведомства.

– Кто?

– Один из них Сергей Антипенко, ты должен его знать.

– Знаю.

Надо же, наш бригадный замполит. Неожиданно, но приятно – майор грамотный мужик, так что проблем никаких не вижу. Могли бы вовсе с самого начала его ко мне отправить с беседой и проблем никаких бы не было. До сих пор как вспомню, как едва не убится во время прыжка с парашютом с тридцать третьего этажа, так вздрогну. Вот почему сразу нормально было не сделать?

– Кроме него, рядом с тобой от наших коллег будет еще один член рабочей группы, ответственный за практическое применение знаний. Кто конкретно, не знаю пока, думаю, пришлют какого-нибудь узконаправленного специалиста.

– Ганфайтера, что ли?

– Кого? А, типа боец на все руки мастер... да, думаю да, что-то вроде.

– Хорошо.

– Еще один момент. Не то чтобы неприятный, но...

– Да?

– Так как ты не явился по повестке в установленный срок, ты – сам понимаешь, уже в союзном розыске. По своей линии мы потом сделаем тебе выписку из нашего ведомственного санатория, где ты, как Максим Царев, находился с начала апреля и до будущего поступления в офицерскую школу Береговой охраны, так что в личном деле у тебя будет чисто.

– Как «Максим Царев»? – понемногу начал понимать я, куда клонит Родионов.

– Да. Как «Максим Царев» ты в настоящий момент лежишь в санатории после тяжелого отравления. Сам же сейчас сходишь на третий этаж, там тебя сфотографируют на документы и соберут биометрию. И уже через пару часов ты получишь новую личность и на время станешь резидентом свободного города Майями.

– Негром, что ли?

– Да, станешь не-гражданином. Не рекомендуется употреблять слово «негр», оно несет оскорбительную коннотацию.

– Так я же сам негром буду, мне можно. Это вам употреблять нельзя, чтобы меня не оскорбить.

– Хм. Ну да, действительно, – неожиданно озадачился Родионов; я вообще-то в шутку говорил, а он серьезно воспринял, надо же.

– Что будет после?

– Интересный вопрос, – усмехнулся Родионов, который

сразу понял, о чем речь. – После того, как ты закончишь офицерскую школу и получишь чин лейтенанта, я предлагаю тебе самостоятельность на полном самообеспечении, в условиях небольшого контроля со стороны нашего ведомства и, естественно, всей необходимой помощи с нашей стороны. Ресурсы на это у тебя будут, и немалые – в том числе материальные. И еще у тебя будут возможности и практически неограниченный спектр свободы в действиях, направленных на защиту нашей цивилизации.

– Как-то размыто звучит. Если поподробнее?

– Подробнее пока никак, потому что над этим «поподробнее» я пока работаю. То, что озвучил – это общая концепция, в рамках которой мы договорились о выделении тебе самостоятельности в рамках «чтобы ни вашим, ни нашим». Ты же понимаешь, что стал конфликтом интересов двух конкурирующих организаций? И просто так теперь тебя отпустить никто не может, поэтому все сейчас за компромисс.

– Понимаю.

– Забрать тебя у нас не смогли, во многом благодаря твоей находчивости. Спасибо, что решился прыгнуть, но и отдавать не хотят. Так что по плану, который не вызывает ни у кого возражений, у тебя будут деньги и свобода их использования, а также группа специалистов с возможностью найма новых. У тебя же был уже свой наемный отряд в прошлом, в иной реальности? Вот нечто подобное планируется и у нас, если ты не будешь против.

– Обдумать нужно, но, наверное, против я не буду.

– Хорошо. Как я это реализую – пока не хочу говорить, у меня сейчас сразу несколько вариантов в работе. Важно твое принципиальное согласие на нашу будущую форму сотрудничества.

– Принципиально если, то отторжения не вызывает.

– Вот и отлично. Есть какие-то пожелания?

– По поводу чего?

– По поводу имени новой личности, например.

– Она же ненадолго.

– А какая разница? Долго, недолго, тебе же с этим именем жить.

– Хм, ну если по поводу имени...

Я задумался.

– Я буду резидентом территории Майами?

– Да.

Что я знаю о Майами? Свободная экономическая зона в этом мире. Центр туризма. Все. В моем мире – спасательная служба девушек в красных купальниках... а нет, это спасатели из Малибу были. Еще фраза «Полиция Майами, отдел нравов!» из кино, которого не смотрел.

– Морган. Декстер Морган, – вдруг произнес я всплывшее в памяти имя.

– Это должно что-то значить? – явно заметил Родионов какие-то эмоции у меня на лице.

– Нет-нет, просто имя.

Наверное, если бы я сказал, что это имя вымышленного серийного убийцы – судебного эксперта из полиции Майами, Родионов бы задумался. Поэтому и не стал ничего объяснять.

Назвал я это имя не только потому, что оно всплыло в памяти благодаря местоположению – Майами, где Декстер обитал. У нас ведь с ним есть определенно сходство – у меня тоже проявляется эмоциональная холодность. Только если у этого парня обычные человеческие эмоции отсутствовали совсем, то у меня они выключаются в минуты опасности, превращая в ледяную машину.

Да и демоническая сущность в частичке души теперь у меня в наличии, и никак это не побороть, как ни стараюсь.

– Декстер, значит, – сделал пометку в блокноте Родионов.

– Да. Декстер Морган, – я чуть улыбнулся.

Ведь кроме прочего, есть у нас с Декстером Морганом еще одно сходство: мы оба, пусть и совершенно разными путями, нацелены на уничтожение нечисти.

Глава 2

В Майами до этого момента я ни разу не был; в статусе негра – не-гражданина, тоже впервые в жизни. Непривычно. И немного неуютно – потому как пауза ожидания затягивалась: сотрудница службы контроля уже почти минуту безотрывно смотрела в монитор. Я даже нервничать понемногу начал – неужто с документами проблема?

Нет, нет проблемы – женщина сморгнула, и словно в реальность вернулась. Похоже, она сквозь монитор смотрела, просто о своем задумавшись или зависнув даже. Звучно стукнул штамп прибытия в удостоверение резидента свободной территории Майами, и сотрудница службы контроля протянула мне документ через окошко.

– Welcome home.

Добро пожаловать домой, надо же. Почему у нас так пограничники не говорят?

– Сенкью вери мач, – кивнул я, забирая документ.

Настроение после такого простого и вроде бы дежурного приветствия улучшилось. Да и вообще настроение отличное: особенно мне сегодня все нравилось, потому что я вновь жил нормальной жизнью обычного человека. Никаких отдельных коридоров, никаких кортежей у трапа самолетов – от чего я уже успел подустать. Сейчас я просто шел по терминалу аэропорта, без сопровождения. Практически без сопровож-

дения – со мной по-прежнему рядом Жанна, которая снова выглядела как секретарь-референт.

В Майами вскоре должен был прилететь Семенович со своей командой, а также несколько технических специалистов от Андрея Геннадьевича, который в своем Специальном конструкторском бюро аналитического приборостроения продолжал разбираться с переданным ему айфоном и моим личным китайским смартфоном.

Пока же мы с Жанной почти одни. Почти – на выходе в зоне прибытия нас ждали обещанные Родионовым люди от военного ведомства. Найти бы еще этот выход из зоны прибытия – воздушная гавань Майами впечатляла, настолько огромна. Движение вокруг не менее активное, чем в московских аэропортах; причем здесь гораздо больше самых разных национальностей, звучат самые разные языки. Преобладают латиноамериканцы, кстати, многие компании которых довольно шумные.

Майами в этом полушарии – самый настоящий центр притяжения. Не только туристическая Мекка, но и свободная экономическая зона, один из мировых финансовых центров. Со многих концов мира сюда едут не только отдыхать, но и работать; и в этом мире многое из того, что происходило на континенте в Нью-Йорке, переместилось сюда, южнее.

Майами, пусть и не принадлежал ни одному из государств, а находился в статусе свободной территории, являлся одной из самых благополучных территорий в мире. Не пото-

му, что здесь финансовый центр – наличие Генассамблеи ООН не помешало никому Нью-Йорк в криминальное гетто превратить. Немаловажная причина заключалась в том, что Майами во Флориде находится, а в этом мире русские не допускают существования у себя под боком нестабильных территорий. Тем более в столь важном регионе влияния Советского Союза – в самом центре Западного полушария, на стыке основных маршрутов.

В общем, если уж становиться негром – то только в Майами.

Знакомое лицо среди встречающих увидел не сразу. Майор Антипенко – сухопарый мужчина с полностью седыми волосами, в гражданском костюме, его с трудом узнал. А не заметил сразу его еще и потому, что рядом с майором стоял чернокожий парень – широкий как шкаф и высокий как баскетболист. Он был реально огромен, как Шакил О’Нилл. Не такой высокий, правда, двух с большим плюсом метров в нем, скорее всего, нет, но по весу далеко за десять пудов точно, причем все в мышцах и костях. Настолько большой парень, что на его фоне Антипенко просто терялся и именно поэтому я его сразу не заметил.

– Здравия желаю, товарищ майор, – приветствовал я Сергея Ивановича Антипенко, замполита Арктической бригады, в которой проходил КМБ.

– Без чинов, – усмехнулся майор, протягивая руку. – Как тебя лучше – Максим, Декстер?

– Да как угодно, главное в терновый куст только не бросайте.

– Матвей Корнилов, – представил мне спутника замполит. – С этого дня ответственный за твою безопасность.

– Матвей, – протянул мне руку «баскетболист». Ладонь у него оказалась настолько огромной, что баскетбольный мяч перехватить может одной рукой легко.

Имени его я не удивился: в этом мире в составе Советского Союза кроме Флориды были и африканские страны, чуть меньше десяти. И если у меня в старом мире фраза: «Я русский и в Эфиопии никогда не был» воспринималось как шутка, пусть и неоднозначная, то здесь черные русские были вполне обыденной реальностью, удивления ни у кого не вызывали.

Багажа у нас с Жанной с собой не было, все вещи вполне уместились в формат ручной клади, так что мы уже вчетвером без задержек двинулись на стоянку. Жанна недавно сказала, что меня там ждут. Но вот кто, и что меня ждет, оказалось серьезным сюрпризом – стоило выйти на улицу, издалека приметил Форд Мустанг цвета морской волны. Мустанг, который в этом мире назывался Кугуаром и вместо коня на радиаторной решетке у него была изображена стелющаяся в беге большая хищная кошка.

Облокотившись на крыло моей машины и сверкая фирменной белозубой улыбкой, стоял Дэвид Мэйсон. Я был рад его видеть, и даже улыбка его мне показалась не столь отвра-

тительной, как обычно.

– Декс, – протянул мне руку Дэвид, демонстрируя знание моего нового имени. И сразу передал ключи. – Все твои вещи из отеля тоже там.

– Отлично, спасибо.

Рядом с Кугуаром, занимая сразу полтора парковочных места, стоял массивный пикап на высоких колесах – надо же, сзади там вообще четыре колеса, по два в спарке. За рулем этой «легковой» машины шириной с КАМАЗ, увидел знакомое лицо – сестра Мэйсона-младшего. Помахал ей рукой, она сразу же вышла со мной поздороваться. Большая, громкая девушка. Когда мы обнялись, я выслушал целую благодарственную речь, явно заранее подготовленную. Все же недавно, когда мы после волны цунами и после разборок с бандой гангстеров все вместе деятельно взаимодействовали в особняке Мэйсонов, сказать «спасибо» она мне не успела.

– Хватит, хватит, давайте любезности позже, здесь парковка платная после тридцати минут! – поторопил нас Дэвид.

Когда я пошутил насчет его платежеспособности, он разразился экспрессивной тирадой про факинг систему этой факинг парковки, оплата которой сделана так, что факинг-факинг-факинг, и проще или вообще не заезжать, или заезжать только на тридцать минут.

– Но вообще я, конечно, экономный, да, – неожиданно ре-

зюмировал Дэвид и, махнув мне рукой в сторону выезда, направился к пикапу, за руль которого уже забралась его сестра. Реально как в грузовик лезть надо, там пороги чуть ли не на уровне пояса.

Замполит с баскетболистом двинулись к своей машине в другом конце паркинга, Жанна уже села на пассажирское сиденье моего Кугуара, и вскоре мы в три машины поехали с территории аэропорта. Про парковку, кстати, Дэвид не со-врал – система настроена так коряво, что мы почти десять минут ждали Антипенко с Корниловым, которые приехали сильно заранее и сейчас разбирались с оплатой, с которой действительно непросто оказалось.

Когда все получилось, проезжая по улицам следом за пикапом Дэвида, я с интересом оглядывался по сторонам: никакой одноэтажной Америки здесь и в помине не было. Майами оказался мегаполисом, сравнимым, наверное, с Гонконгом моего мира. Плотное движение, многочисленные деловые районы, зелень рекреационных зон, вывески на двух языках – русском и английском.

В городские кварталы мы практически не спускались, проехали по приподнятой над землей широкой магистрали к побережью, где через мост въехали в Майами бич. Это был длинный, вытянутый вдоль берега остров, превращенный в курортную зону, застроенную вдоль пляжной линии фешенебельными отелями.

Привез нас Дэвид к отелю «Mriya Resort & SPA» знаме-

нитой крымской сети. Миновав КПП со шлагбаумом по его пропуску, мы по дороге пальмовой аллеи объехали огромное здание в виде пятиконечной звезды, и по узкому проезду выехали на небольшую, утопающую в зелени парковку отдельной виллы. Расположенной практически на берегу, надо же – в просветы между пальмами и кустами морскую гладь прямо отсюда, со стоянки вижу.

К размещению нам предлагалась двухэтажная вилла, фасадом выходящая на огороженный участок пляжа, еще и закрытый от других отдыхающих, надо же. Когда осматривал территорию, оказалось, что для нас выкупили аж три виллы. Так что ощущение как на Мальдивах – никого рядом, почти единение с природой, даром что в нескольких километрах с другой стороны – пятимиллионная агломерация свободной территории Майами.

После того как разместились сестра Дэвида уехала, а у нас состоялся обед, за разговором плавно перетекший в ужин, потом в пляжный поздний ужин. За эти несколько часов майору Антипенко, Корнилову и Мэйсону-младшему я рассказал о своем прошлом практически все. Слушали меня крайне внимательно и без серьезного предубеждения. Все же Красный рассвет – алое сияние, было видно с западного побережья Флориды, а уж у Дэвида дома оно так вообще все небо ярко расцвечивало.

Присутствие здесь с нами Дэвида было согласовано Родионовым, об этом мне улучив момент Жанна сообщила. Вслух

мы с ним этого не проговаривали, но у меня сложилось впечатление, что планы, которые мне озвучивал Родионов на счет самостоятельного плавания на самообеспечении, участие Дэвида Мэйсона-младшего (и интересы Мэйсона-старшего) в себя включали. Все же моего улыбчивого друга из военного колледжа выперли совсем недавно, надо же ему чем-то заниматься.

На следующее утро в Майами прилетел Семенович со своей командой – те четверо, что вместе и с ним охраняли и обороняли торгпредство в Новом Орлеане. Привез Семенович и пару техников от Андрея Геннадиевича, с которым при (его) нужде я мог общаться по видеосвязи. Техники и Антипов с Корниловым заняли одну виллу, Семенович со своими людьми другую, а мы втроем – я с Жанной и Дэвид, разместились в центральной. После этого жизнь пошла вполне привычным чередом, знакомым по Сестрорецку. Все то же самое – беседы, беседы, беседы. Из меня тянули информацию, по максимуму ее структурируя.

Алое Сияние на небе Нового Орлеана не удивляло – как появилось, так изменения не претерпело, сохраняя яркость, но не расширяясь. Знаний у меня насчет подобного не было, только теоретические, с чужих слов. Так что, когда будет прорыв, и будет ли он, точно сказать я не мог. Конфедераты город эвакуировали, на побережье рассредоточили войска – между делом задавив полностью «народные» волнения, как Семенович мне сообщил после вопроса. Присут-

ствовал неподалеку от подводного Разлома и наш контингент – «Севастополь» далеко от места событий не уходил, высадившиеся в Новом Орлеане морпехи так и остались на берегу.

В общем, ситуация там стабильно непонятная, а у нас здесь – рутина. Остров мы не покидали, жили как в золотой клетке. Вечера принадлежали нам, и мы пользовались благами отеля, участвуя в местном отдыхательном движении. Выбирались небольшой компанией, вчетвером: Дэвид, Матвей, Жанна и я.

Антипенко с Семеновичем в развлекательной программе не участвовали, так что мы отрывались своей молодежной компанией, полностью используя открывающиеся возможности.

Несмотря на неформальное общение, наши отношения с Жанной так и не переходили условно-дружески границ. Словно и не было тех трех жарких суток, которые мы провели, практически не вылезая из кровати на базе отдыха в Сестрорецке.

Вопросов я никаких ей не задавал, и не делал даже намеков на попытку вернуть отношения в горизонтальную плоскость. Жанна держалась, подчеркнуто сохраняя дистанцию. И хорошо – то, что она не только товарищ майор, но и специально обученный психолог, я прекрасно помнил, а становиться объектом обработки мне не хотелось. Хотя, может, я уже, просто сам еще этого не понял.

Матвей довольно неожиданно сдружился с Дэвидом. Сначала они сблизились на почве алкоголя. В первые два дня, в первые два вечера, вернее, Дэвид почему-то пребывал в святой уверенности, что может пить с Мэтью, как он Матвея называл, на равных. И оба вечера начинались для нас совершенно по-разному, но заканчивалось одинаково: в двери виллы проходил Матвей, у которого следов опьянения ни в одном глазу, а на плече у него висело бесчувственное тело Дэвида.

На третий вечер у Мэйсона-младшего просто закончилось здоровье, и он капитулировал, признавая поражение. Неожиданно для Матвея – тот или не догадывался, или сделал вид, что не догадывался, что у них оказывается соревнование было. А вот потом у Дэвида с Матвеем и без соревнований по литрболу нашлось много тем для беседы, особенно на фоне хоккея, которым, как оказалось, увлекались оба.

В пятничный вечер, после почти недельного пребывания в Майами мы направились в пляжный клуб с довольно незамысловатым названием «Paradise». Привлекала вывеска выступления: было заявлено шоу с участием Люси Чеботиной и Дмитрия Маликова.

Про Люсю Чеботину я слышал и в моем мире – здесь, в иной реальности, часто пересекался со знакомыми фамилиями, особенно в сфере развлечений. Да, миры в некоторых аспектах были разными вплоть до полной неузнаваемости. Но при этом даже после пройденных по-иному историческо-

му пути семидесяти лет многие личности и события занимали удивительно похожие места в местной жизни. Иногда совершенно неожиданные личности. Особенно же это касалось творческих людей – которые если в этом мире родились, часто проходили довольно похожий жизненный путь.

Люсю Чеботину из своего мира я знал, а вот про Дмитрия Маликова в прошлой жизни не слышал ни разу. Здесь же, как оказалось, известная личность. Сейчас он – судя по виденным афишам, в мировом турне, а здесь у него что-то типа афтепати после большого стадионного концерта. Дядька оказался довольно прикольный – и зрителей заводил, и на белом пианино (или рояле, не разбираюсь) играл в ходе ярко оформленного шоу.

Мелькали огни светомузыки, танцевал и подпевал народ – в общем, время мы проводили довольно весело. Жанна, как и во время всех прошлых вечеринок, находилась неподалеку от меня, не выпуская из поля зрения. Сегодня все вновь происходило по привычной схеме, что мы вроде и не вместе, но и не порознь. Снова потанцевали вместе, причем не только медленные танцы – под задорные напевы я даже вспомнил, что такое шаффл.

На танцполе, а также курсируя между площадкой и баром (Дэвид и Матвей танцы игнорировали), пару раз столкнулся с двумя девушками. Привлекающими внимание – обе в смелых платьях леопардовой раскраски и таких же леопардовых плотно облегающих ноги сапогах выше колен. Это в моем

мире подобные наряды вызывают шутки о хищницах, которые ищут своего охотника среди тех, кто ходит по городским улицам в камуфляже, а вот здесь леопардовые расцветки – последний писк моды.

На «хищниц» я обратил внимание не просто так. После того как поскрипел своим пожилым здоровьем, вспоминая ритмы танца, судя по вполне откровенным взглядам понравился одной из девушек. Как раз сейчас она беззастенчиво прямо смотрела мне в глаза, при этом явно обсуждая меня с подругой-хищницей.

Знакомиться с леопардовыми девушками я не хотел, тем более что вскоре зазвучало что-то медленное, и Жанна утянула меня за собой. В толпе мы затерялись, хищницы из поля зрения исчезли. Чуть погодя, когда музыка закончилась, Жанна направилась к нашему столику, а я двинулся в сторону туалетов. Едва войдя, услышал, как за спиной снова открылась дверь. Обернулся – надо же, та самая внимательно смотревшая на меня хищница, по следам выследила. Совершенно не стесняясь взглядов удивленных мужчин, девушка прошла через весь туалет следом за мной.

– Привет. Я Анфиса, – остановилась она совсем рядом.

Сказано по-русски, но акцент сильный. Станный, южный какой-то; не похоже на английский, как-то тягуче она говорит, протяжно. Итальянский может быть?

– Sorry, I don't understand.

– Ой ладно, все ты понимаешь, – махнула рукой девуш-

ка, подходя еще ближе, почти вплотную. – Да ты не бойся, я не кусаюсь.

На шее у нее было ожерелье из длинных желтых клыков. Не удивлюсь, если натуральные, крокодильи какие-нибудь.

– Техас? – поинтересовался я, вдруг начиная догадываться, откуда такая интересная дева.

– Конечно, мой сладкий, откуда ж еще? – улыбнулась во все свои тридцать два хищница. – А ты из России?

– Похоже?

– Конечно! Настолько сурово выглядишь, что не удивлюсь, если ты сюда на медведе через Аляску прискакал.

Ну не на медведе, но таки да – путь сюда лежал через некоторые тернии. До сих пор прыжок с тридцать третьего этажа как вспомню, так вздрогну.

– Кстати, тебе с чужими девочками мама не разрешает танцевать, да? – усмехнулась хищница, явно намекая на Жанну.

– Да, – просто ответил я, после чего взглядом и жестом показал на писсуар. – Мы если что в комнате особого назначения, можно я тут немного...

– Пообщаешься со своим другом, с которым можешь потом меня познакомить? – произнесла хищница, причем до меня не сразу дошел смысл фразы. – Я не против, совсем не против, мой сладкий. Я Анфиса, не забудь.

Приобняв и жарко дохнув эхом парочки как минимум коктейлей с составом «...и водки побольше, пожалуйста»,

хищница поцеловала меня в ухо. После направилась к выходу, помахав всем присутствующим мужчинам ручкой и мило улыбнувшись. Продолжать с ней знакомство я желания не имел, и мы после этого потерялись – следующий час-полтора я ее не видел. Но продолжение знакомства все же случилось, причем довольно неожиданно.

В пляжном клубе «Paradise», который не только пляжный, а занимал неприлично большую площадь, отдыхала не только молодежь. Были зоны и для «мужиков, которые не танцуют». В одну из таких зон относительно недавно направились Матвей с Дэвидом, в сторону покерных столов. Когда мы пришли следом за ними, Дэвид, как и обещал нам с Жанной уходя от бара «показывал класс», Матвей же просто маячил неподалеку.

В отдельной огороженной зоне – для больших ставок, за столом собралось пять игроков. Кроме Дэвида – два чернокожих парня в пиджаках с блестками и золотыми цепями толще моего пальца, сутенеры не иначе, загорелый сухопарый старик с мерзким противным голосом, который заметно картавил и последним был крупный ковбой. Реальный ковбой, прямо в клетчатой рубашке и со шляпой-стетсоном, лежащей на столе тульей вниз. На его широкие плечи облокотились две девушки – те самые хищницы, которые привлекли мое внимание на танцполе.

Анфиса, которая выследила меня в туалете, поймала мой взгляд – при этом прижимаясь к плечу ковбоя. Она игри-

во закусила губу и сейчас смотрела на меня довольно выразительно, с явным намеком, но я только скользнул по ней взглядом.

Все внимание обратил на Дэвида, который только что проиграл – причем, судя по выражению лица и ушедшим в сторону ковбоя фишкам, проиграл весьма крупно. Кроме того, по виду и отголоску эмоций, Дэвид явно поймал тилт – состояние психологической неуравновешенности, в котором желание отыграться напрочь застигает разум. Именно в этом состоянии кончается терпение, и игрок раз за разом в ожидании удачи входит в игру даже с плохими картами.

– Дэви, Дэви, спокойней. Полегче, приятель, – тронул я его за плечо.

Короткий и негромкий монолог про факинг-факинг-факинг был мне ответом.

– Дэвид, ты сейчас сольешь остатки бывшего благополучия, – обратил я внимание на стопку оставшихся перед ним фишек. Было там сейчас, по сравнению с другими игроками, совсем немного.

– Я спокоен! – воскликнул Дэвид. Негромко, но довольно резко и едва не сорвавшись на крик.

– Вижу, вижу, как ты спокоен, – уже крепко взял я его за плечо. – Дэвид, проигрывать тоже надо уметь, в таком состоянии ты каши не сваришь.

– Макс... тьфу, Декс, не трави душу! Или ты мне показать класс хочешь?

– А давай, – вдруг легко согласился я.

После кратких переговоров с другими игроками мы с Дэвидом поменялись местами, после чего дилер раскидал картонки. Я чуть отогнул края карт, посмотрел. Разномастные пятерка и семерка. Не удержался, бросил взгляд по сторонам. У ковбоя на лице зеркальные очки, в отражении которых я попытался увидеть его карты. Не получилось, конечно же, но я хотя бы попытался.

Я сменил Дэвида и зашел в игру на большом блайнде, так что сейчас у меня была обязательная ставка в десять тысяч долларов. Играли здесь вполне по-крупному, десять тысяч – это почти сто пятьдесят рублей.

Сразу после раздачи в процессе торгов никто агрессивно повышать не стал. Чернокожие парни-сутенеры спасовали, а ковбой и мерзкий старикашка сравнивали – причем каждый из них перед этим довольно долго думал.

Пока все решали играть или не играть, я краем глаза наблюдал за удаленной, но видимой отсюда сценой, где разыгрывалось представление. Сейчас с танцпола, под приветственные крики зрителей, на сцену выбрался молодой парень. С копной кудрявых волос и явно лишним весом. Судя по поведению – знакомый Маликова. Сейчас они вдвоем как раз выбирали среди зрительниц кандидатку для премьеры новой песни, предлагая поучаствовать в представлении.

Я так засмотрелся в сторону сцены, что не сразу понял – торги закончились и игра началась. Дилер раздал, на стол

легли три карты флопа: две семерки и пятерка. Надо же, у меня прямо сходу фулл-хауз.

Вот это я удачно зашел, вот в это мы играем.

Мерзкий старикашка что-то проскрипел противным голосом, но поднимать ставку не стал, а вот ковбой повысил втрое. Ставку его я принял, не показывая агрессии – с отстраненным видом покотив в ответ фишек на тридцать тысяч долларов. На стол я по-прежнему почти не смотрел – наблюдал за тем, как на сцене к артистам присоединилась выбранная среди зрителей женщина средних лет в вечернем платье.

Перестук по столу заставил меня обратить внимание на игровое поле. А, мы снова повышаем? Ну да: ковбой, который с закрытым зеркальными очками каменным лицом смотрел на меня, только что двинул вперед еще пятьдесят тысяч.

Соперник сохранял полное спокойствие, а вот обе хищницы, так и висящие на его плечах, активно переговаривались. Уже на техасском языке – который почти как английский, но англоговорящему человеку мало понятен.

Поглядывая то на сцену, где артисты уже начали исполнять свою обещанную новую песню, то на стол с картами, я оценил собственный банк. Передо мной, из еще не проигранного Дэвидом, оставалась примерно сотня тысяч – скромная россыпь фишек по пять и десять тысяч долларов. Сто тысяч долларов, даже в рублях весьма прилично, среднемесячная заработная плата в России. Взяв все фишки, я дви-

нул их к центру стола, повышая на все свои. Старикашка сразу же что-то мерзко проскрипел и из игры вышел, отодвинув от себя карты не вскрывая.

– Мой друг, не понимаю, на что ты рассчитываешь со своими двумя тузами, – улыбнувшись, сообщил я ковбою, который так и сидел с каменным лицом.

Тот думал совсем недолго – ответил на ставку. Все, интеллектуальная игра закончена, дальше только смотреть в ожидании, кому достанется вполне приличный банк – чуть больше трехсот тысяч долларов сейчас на столе, навскидку.

Ковбой впервые за все время показал эмоции – он улыбнулся и выложил свои карты. Я ошибся – не два туза, два короля у него в руке было. Но суть понятна, я примерно и полагал нечто подобное – что, кстати, отметили защебетавшие хищницы. Причем Анфиса все старалась поймать мой взгляд и пару раз обращалась непосредственно ко мне в попытке привлечь внимание. Хорошо голоса артистов уже звучали довольно громко, так что делал вид, что ее «ну посмотри на меня, мой сладкий» не слышал.

Когда на столе легли открытыми мои пятерка и семерка, ковбой малость посмурнел, а хищницы попрыгали и захлопали в ладоши, словно меня поддерживая. Странно как-то они себя ведут – вроде своего парня должны поддерживать.

Дилер начал выкладывать остальные общие карты, решая судьбу партии. Четвертой на стол лег король. Ковбой, только что совсем смурной, не сдерживая эмоций довольно расхо-

хотался – теперь уже у него выигрышная комбинация, фулл-хаус из королей и семерок.

Черт, похоже, это не Дэвид сегодня неумелый лопух, а место проклято – расстроился я, понимая, что уж показал так показал класс. Мало того, ковбой начал говорить на своем тexasском, глядя мне в глаза и явно сообщая что-то насмешливое и, возможно, даже не сильно лицеприятное. Вот вроде английский язык использует, а что именно говорит – совсем непонятно.

В этот самый момент на стол легла пятая, последняя общая карта – семерка. Ковбой осекся на середине смешанного с веселым смехом фразы. Ситуация вновь перевернулась на сто восемьдесят градусов и у меня на руках теперь – каре семерок.

Леопардовая девушка Анфиса вместе со второй хищницей разразились громкими криками – причем неоднозначными. Вроде они и болели за своего ковбоя, но и меня поддерживали, оценив удачу. Ковбой вдруг выругался, хлопнув по столу и перейдя на испанский, помянув какую-то путу.

Весь банк усилиями дилера переехал в мою сторону. Пока замешивались и раскидывались по столу карты, я аккуратно выкладывал фишки в стопки одного номинала.

– Спроси у своей мамы, кто ее кумир, – глядя в глаза расстроенному проигрышу ковбою, напел я вслед за Дмитрием Маликовым, чей бархатный голос в лаунж-зоне был слышен приглушенно. Не, хорошо поет, неудивительно, что здесь

мировая звезда, в моем старом мире такого я не слышал.

Я вдруг почувствовал на себе пристальный взгляд – повернулся, увидел, как из темного угла смотрит на меня Матвей. Контролирует ситуацию, еще и замаскировался. Ладно, я в темноте вижу, а кто другой мимо пройдет – не заметит. Матвей даром что размером с двух среднестатистических человек, но у него кожа черная, и одет он в черную рубашку, черные брюки и черные туфли, так что в темном углу сливается с черным кожаным диваном.

Дилер снова раздал. Я теперь был на малом блайнде, с обязательной ставкой в пять тысяч долларов. Ковбой, глянув свои карты, сразу повысил агрессивно – тысяч пятьдесят на стол бросил, даже не считая. Чернокожие парни-сутенеры в золотых цепях спасовали, а вот я ответил, двинув к середине стола весь свой только что увеличенный банк. При этом, что не укрылось от внимания других игроков, карты свои я даже не посмотрел.

Это я сейчас не сам, кстати. Это неожиданно проявилась моя демоническая сущность – я словно кураж поймал и действовал импульсивно на волне удачи. Надо же, вот совсем не думал, что демоническая частица в моей душе может проявиться и таким образом.

– Братик, он даже не посмотрел свои карты! – сообщила ковбою Анфиса.

Хищница тоже на тexasском говорит, но ее слова я понял; «братик», надо же. Вот и ответ странного поведения – когда

обе девушки довольно откровенно висят на плечах моего соперника, и при этом не стесняются поддерживать меня. Анфисе я определенно понравился, ни или она просто вышла за мной на охоту, тоже вариант. Своей сестре (или подруге) она определенно об этом сообщила, так что они обе сейчас явно не против меня болеют, а скорее за хорошую игру.

Ковбой, кстати, на мою ставку уже ответил не раздумывая – на кону теперь больше полумиллиона долларов. Два черных парня-сутенера начали переговариваться между собой заметно недовольно. Прокаркал что-то и мерзкий старикашка, предъявляя нам с ковбоем претензии, мол, весь дух игры ломаем, что это уже не покер, а русские горки какие-то.

Я же, все еще удивляясь от недавнего импульсивного порыва, открыл карты, выкладывая перед собой. Две двойки, могло быть и хуже. Ковбой тоже открыл свои – туз и король. Вот карта парню идет, надо же. Неудивительно, что Дэвид ему слил с тяжелым переездом – который розыгрыш ковбоем хорошие руки приходят.

Дилер между тем начал выкладывать общие карты. Поочередно на стол легли тройка, валет, дама, девятка, четверка. Я понервничал, конечно, особенно когда после третьей выложенной карты возникла вероятность, что сутенер соберет не просто старшую пару, но и стрит – появились бы туз, король или десятка, и все. А так почти семьсот тысяч долларов поехали ко мне.

Вот это уже нормально, вот в это мы по-прежнему играем.

На Кугуар, как у меня, не хватает, даже на Волгу не хватает, но пятилетний седан в хорошем состоянии – вполне взять.

– Продолжаем? – улыбнулся я, пытаюсь поймать взгляд ковбоя.

Тот что-то прошипел раздраженно, но в это время с громкими претензиями выступили черные парни, дождавшиеся окончания розыгрыша. Обращаясь одновременно и ко мне, и к ковбою. Говорили они неожиданно на русском, а суть их обращения сводилась к тому, что они здесь для улады ума, а не для того, чтобы меряться величиной эго. Надо же, вот это было неожиданно – от так серьезно увешанных золотом парней я подобных аргументов не ожидал. Как-то с оценкой «сутенеры» я ошибся серьезно. Не удивлюсь, если в обычные дни они ходят в деловых костюмах, и работают во вполне приличных местах на вполне приличных должностях.

На сцене между тем закончилось представление песни «Спроси у своей мамы». Над клубом повис многоголосый крик, в основном восторженный девичий, на который фоном легли претензии увешанных золотом игроков, а также недовольный скрип мерзкого старикашки.

– Какие-то проблемы, парни? – поинтересовался вдруг у обоих чернокожих парней Матвей.

Он, что удивительно, при своих чуть уступающих танку размерах, невероятным образом имел обыкновение двигать-

ся незаметно и практически бесшумно. Как сейчас, когда подошел к чернокожим парням со спины и положил руки им на плечи. Оба игрока посмотрели далеко наверх, где рядом со звездным небом маячила голова Матвея и решили вдруг, что никаких проблем у них нет.

Матвей в это время глянул на меня и сделал недвусмысленное движение глазами в сторону выхода. Я был с ним согласен, пора бы сваливать отсюда, как-то напряженно стало. Одним движением сгреб в кучу фишки, глянув на дилера и всем своим видом показывая, что намереваюсь их забрать. При этом оставив в сторонке небольшую россыпь на чай или на следующий розыгрыш, если тут правила не дадут сразу из-за стола уйти. Мне не жалко, я сегодня в плюсе.

Дилер, кстати, предназначение маленькой кучки фишек прекрасно понял, потому что они уже исчезли с зеленого сукна, я даже моргнуть не успел. На другой стороне стола между тем началось не очень здоровое движение. Две хищницы-сестрички плотно присели «ковбою» на уши, с удивительной непосредственностью рассказывая, как восхищаются мной и моей удачей.

Ковбой, явно выбитый из колеи таким неожиданным переездом, не выдержал и рывкнул сразу на обеих, поднимаясь из-за стола. Анфиса что-то ответила, в стиле «ну ты же сам видел, как ему повезло», после чего вдруг получила хлесткую пощечину, от которой ее откинуло на несколько метров.

– Э-эй, дружище, полегче! – крикнул я среди многих дру-

гих возгласов.

Сестричка Анфисы за нее попыталась вступиться, но тоже едва не схватила по лицу. Ковбой в этот момент обернулся ко мне и, не слишком запариваясь, запрыгнул на стол, определенно собираясь как можно побыстрее подойти ближе и явно не «спасибо» за хорошую игру мне сказать.

Я в тот момент, когда ковбой взлетел в воздух, пнул по краю стола, так что приземлился он на движущуюся столешницу. Упал, конечно, причем довольно неудачно – на прямую руку, потом еще и ударившись плечом в стол с размаха. Я услышал, как что-то у него хрустнуло. Хана ключице, похоже. Мда, неудачно получилось.

Ковбой пронзительно орал от боли, я же торопливо сгребал фишки в предусмотрительно поданный дилером специальный мешок. Вот что хорошие чаевые делают.

В нашу сторону уже бежали охранники в песочного цвета рубашках. Причем первые двое почему-то решили, что вместо «здравствуйте» и попытке разобраться в ситуации, гораздо лучше будет пригрозить нам дубинками. Наверное, охранник не хотел меня бить, просто замахнулся угрожающе – требуя оставаться на месте.

Может быть, в иной ситуации я и повел бы себя по-иному, а так внутри еще жил недавний демонический кураж. Так что вместо приветствия машинально угостил замахнувшегося охранника двоечкой, не ожидая пока он перехлестнет мне резиновой дубинкой по спине.

Второй охранник отлетел еще раньше, отыгранный после удара Дэвида. В нашу сторону бежало уже четверо, а еще сквозь толпу на танцполе в нашу сторону пробивалась группа человек из пяти. Поэтому мы не стали дожидаться продолжения и все втроем рванули через тихую лаунж-зону.

Жанна, где Жанна? Ее тоже забрать надо. Можно, конечно, свалить из клуба без нее, она девочка взрослая, но это как минимум будет некрасиво. Пока я оглядывался в поисках спутницы, путь нам попытался перегородить чей-то телохранитель, броском рванувшийся с диванчика. Не добрался – ему воткнулся в шею электрошокер Жанны, которая появилась у него из-за спины.

А вот и она, теперь можно сваливать с чистой совестью.

Уже вчетвером пробежав между столиками тихой зоны отдыха, вызывая недоуменные крики и восклицания, мы покинули освещенное пространство. Проскочили прямо перед сценой, после побежали сквозь пенную вечеринку, потом обогнули несколько ярких подсвеченных бассейнов, где плескалось много людей в купальниках. И не только в купальниках – заметил я в воде и нескольких девушек в вечерних платьях, а также мокрых мужчин в деловых костюмах. Зачем, не очень понятно, но спрашивать у них, конечно же, не стал – мы уже подбежали к забору. Так, а где...

– Дэвид? Где Дэвид? – обернулся я по сторонам. Надо же, вроде вместе бежали, а сейчас вжух – и исчез. Вот как так?

– Стоять! – выставяя руку, гаркнул вдруг Матвей.

Так громко, что, наверное, ветки на пальмах закачались.

Подбегающие к нам двое охранников остановились как вкопанные, применив экстренное торможение каблучками в газон. Ну да, они ведь бежали за нами просто потому, что все бежали. Сейчас же оценили ситуацию и поняли, что оказались в положении охотников, которые гнались за медведем без ружья.

Это действительно что-то из области необъяснимого – Матвея, несмотря на его размеры, просто не замечают. Охранники же не могли не видеть, что от них в числе прочих убегает двухметровая шкафообразная рама. А обратили на этот факт внимание только сейчас.

– Вон Дэвид! – вдруг тронула меня за плечо Жанна, показывая в сторону. Там, по пляжной полосе быстрым шагом шел Дэвид, держа за руки – надо же, обеих хищниц в обтягивающих леопардовых шкурах, вернее, платьях.

– Мы уже уходим. И вы уже уходите, – сообщил Матвей обоим охранникам, которые так и стояли в недоумении.

Оставив их придумывать причину, почему за нами не надо дальше гнаться, мы пробежали вдоль забора, выскочили на пляж и по песку двинулись вдоль линии прибоя, на ходу обсуждая произошедшее.

Да, приятно провели время. Не сказать, что полезно – хотя я и отыграл потраченное Дэвидом и даже в плюсе оказался, но такие развлечения лучше приберечь и нечасто их использовать.

Хищницы-сестрички вели себя с нами раскованно, как будто мы были старыми знакомыми. Одна из них, имени которой не знал, демонстративно висела на Дэвиде, явно оказывая знаки внимания. Вторая, Анфиса, шла с другой стороны прокурорского сына, держа его за руку и так же, как и сестричка, прижимаясь. Но при этом периодически бросала на меня многообещающие взгляды.

От Жанны это не укрылось. Она как раз сейчас потянула меня за руку, облакачиваясь, после чего сняла туфли на каблуках и пошла по песку босыми ногами. По-прежнему держа меня под руку и больше не отпуская. И еще сейчас Жанна на меня очень внимательно, и как мне показалась даже с претензией, посмотрела.

Суть выраженной взглядом претензии я не понял. Никаких обязательств мы друг-другу не давали, а после проведенного в коттедже долгого уик-энда именно она первая перешла на подчеркнуто деловой стиль общения.

Пока мы все плотной компанией шли в полосе приборя и весело общались, снова я начал загоняться в мыслях о том, искренние ли это сейчас эмоции Жанны, либо же часть заявленной психологической игры «привязать и подчинить». Пока я думал об этом, Дэвид уже договорился с сестричками о партии в карты, причем играть они решили не на деньги, а на желания.

Мы свернули с пляжа на пальмовую аллею и меня начали зазывали поиграть с компанией. Довольно громко и актив-

но – в три голоса, Дэвид с вместе с хищницами. С другой стороны на меня смотрела Жанна. Она молчала, но при этом впервые после проведенных ночей в Сестрорецке перешла незримую границу, не только держа меня под руку, но уже пару раз ко мне вполне откровенно прижавшись.

Мы сейчас шли уже по территории нашей виллы, среди густо растущих пальм. Дорожка узкая, так что двигались мы плотной группой. Вот тут-то меня осознание произошедшего и догнало.

Во-первых, мы зашли в густую тень – кусты и кроны пальм частично закрыли от нас лунный свет и вокруг стало довольно темно. При этом девушки-хищницы в спектре моего ночного зрения выглядели чуть по-иному, чем остальные. Со-всем чуть-чуть, я бы не обратил на это внимания, если бы случайно не коснулся руки уговаривающей меня поиграть с ними Анфисы. Слова «в карты» она, кстати, опустила, намекая на просто «поиграть».

Чтобы не вызвать подозрений, на предложения я довольно активно и с охоткой согласился. Жанна в этот момент отпустила мою руку и отстранилась. Я не обратил на это внимания, продолжая улыбаться и разговаривать о чем-то с Анфисой.

Даже не думал о том, что говорю, потому что вспоминал ощущение касания ее руки. Это был холод, но не ледяной или морозный холод, а inferнальный – разница ускользающая, но для знающих важная и ощутимая. Чтобы проверить,

взял ее за руку еще раз, и даже приобнял на пару мгновений, зарядив какую-то шутку.

Я не ошибся – чувствуется от тexasской хищницы inferнальный холод. Слабо совсем, но inferнальный холод дело такое – или он есть, или нет.

Круг магии круглый, стихий в нем восемь, но при этом они четко разделены на две стороны: существует дихотомия школ владения по группировкам Смерть-Огонь-Воздух-Свет и Жизнь-Вода-Земля-Тьма. Я, с частичкой своей демонической сущности, принадлежу больше к Огню и Свету. Хищница Анфиса принадлежала Тьме. Я это сейчас понял с кристально чистой ясностью. Вот только как бы поздно уже не было.

Расслабился слишком.

Почему, получив от Родионова уверения, что ни наши, ни спецслужбы других стран меня не тронут, совсем забыл об угрозе темных культистов, с которыми я не в лучших отношениях?

Улыбаясь и даже смеясь сейчас о чем-то с Анфисой, я между делом мысленно сказал себе о том, что кто-то здесь «сказочный идиот». На небосводе уже больше недели разгорается Красный рассвет, а я спокойно по темноте гуляю.

Да, полчища нечисти еще не в этом мире, но подумать о том, что заслать за мной как за Джоном Коннором парочку демонов, одержимых или темных тварей, я не сподобился. А вот кто-то другой об этом подумал – и, собственно, вуаля.

Заслали.

Вся наша громкая компания уже подходила к крыльцу виллы – мы вышли из-под сени пальм на мощеную стоянку для машин. Я отстранился от Анфисы и сейчас рассказывал Дэвиду и Матвею очень долгий и нудный, но именно этим крайне прекрасный анекдот про Геннадия, а сам в это же время лихорадочно думал, что делать.

Нет сомнений, что убить нас попытаются тогда, когда мы окажемся под крышей – природа Тьмы в помещениях без естественного света дает преимущество. Если под лунным светом еще можно попробовать побарахтаться, то стоит только зайти под крышу – это приговор.

И до этого момента мне нужно что-то придумать. Как-то задержать всех на улице сначала, а потом... и что потом?

Глава 3

Не переставая рассказывать анекдот Дэвиду, я жестом показал, что мне нужно отойти и, резко повернувшись, двинулся к Кугуару. Хорошо, что мы на американском континенте – где оружие не только в каждом приличном доме есть, но и в бардачке машин как обыденность.

– God bless the Second Amendment, – не удержался я от благодарности Господу за Вторую поправку, когда нагнулся, открыл бардачок и взялся за хорошо легшую в ладонь рукоять беретты. Тот самый матово-черный, с коричневыми щеками рукояти пистолет, который я забрал в машине погибшего в цунами неизвестного водителя, когда мы с Алисой только-только выбрались из воды на берег.

«Как, интересно, Дэвид сумел этот левый пистолет сюда вместе с машиной привезти?» – краем мелькнула у меня мысль, когда я вместо того, чтобы произнести кульминационную фразу анекдота про Геннадия, выпрямился в развороте, при этом вскидывая оружие.

Мы все абсолютно в этот момент уже находились на волоске от смерти: один или даже два темных культиста рядом – это очень серьезно. Анфиса была ближе ко мне, она стояла в зоне свободного пространства, в нескольких метрах от остальных – мой резкий разворот и маневр к машине застал ее врасплох. А вот безымянная для меня заго-

релая леопардовая хищница держит за руку Дэвида, который сейчас самый первый кандидат на отправку в мир иной.

Выстрелил я два раза, исполнив отточенный на стрельбище дабл-тап, он же бам-бам, как его здесь Семенович называет. Выпущенные с минимальным интервалом две пули девятого калибра вошли в рот и в лоб безымянной хищнице-сестричке, раскрываясь красным цветком выходного отверстия на затылке.

Я уже стрелял в Анфису, но хищница не желала превращаться в дичь – словно раздвоившись, она вдруг превратилась в размазанную череду образов в облаке марева тени. В какую из них стрелять, непонятно; а через пару мгновений кисти рук всех отражений девушки окутало темное марево. Сразу шесть призрачных Анфис стремительно взмахнули правой рукой.

Откуда сейчас полетит, туда и стрелять – что может быть проще. Стелы Тьмы не такие быстрые, как пули, от них вполне можно увернуться. Эта мысль меня чуть не сгубила: вопреки ожиданиям Анфиса не бросила в меня стрелу Тьмы, а ударила рукой в землю.

Это было сильно. И крайне неожиданно.

Ошарашенная происходящим Жанна, бегущий к Анфисе Матвей, озадаченный Дэвид – он так и стоял с поднятой рукой, за которую только что держалась убитая мною хищница, все они разлетелись по сторонам как кегли, отброшенные, словно взрывной волной. Но это не было взрывом, это Тьма

создала дрожь земли – в последний момент поняв, что происходит, я банально запрыгнул задом на капот Кугуара и поднял ноги, так что меня атака не коснулась.

Едва спрыгнул обратно и утвердился на ногах, снова начал стрелять – после использования стихийной силы призрачные тени Анфисы соединились, и она уже стремительно бежала в мою сторону. Вернее, не бежала, а перемещалась в облаке марева – я видел ее словно чередой перемещающихся вспышек.

Я не попал в хищницу ни разу, и уже патроны кончились. Отпрыгнув в сторону, бросил в Анфису пистолет, пытаюсь попасть в голову. Попал в плечо, сбив прицел – брошенный ею чернильный клубящийся сгусток, размером чуть больше футбольного мяча, пролетел мимо и врезался в стену дома.

Ну вот, пошла в ход классика: вот это была самая настоящая, истинная и ожившая Тьма. В меня в этот момент уже летел второй шар. Не быстро, как футбольный мяч летит после не очень сильного удара. Но по мере приближения темный шар менял очертания, искажаясь: клубящаяся тьма трансформировалась в искаженное демоническое лицо, открывающее клыкастый рот в протяжном крике.

Под второй стрелой тьмы я проскочил, прыгнув к хищнице в подсечке ногами вперед. Со стороны это выглядело довольно безрассудно, но я уже действовал совершенно спокойно и без эмоций – меня, как это обычно бывает в минуты опасности, снова будто выстудило ледяным холодом.

Анфиса, уходя от моей подсечки, сделала сальто назад, сохраняя дистанцию. Едва приземлившись, она швырнула в меня третью стрелу Тьмы. Вот это было опасно – чернильный сгусток и вытянувшиеся за ним хвостом лоскутья мрака прошли совсем рядом, обдав омерзительно-липким inferнальным холодом.

Вовремя успел откатиться в сторону, а ударившая в землю Тьма начала разъедать брусчатку двора, словно серная кислота, оставив за собой длинную, поблескивающую, будто машинным маслом, проплешину.

Так. Что-то мне уже совсем не нравится происходящее – Анфиса прыжком подскочила ближе, оказавшись совсем рядом, и занесла руки для удара. Как будто в руках у нее был меч; впрочем, нечто подобное там и было – в темноте явно заметно что-то, почти мгновенно сотканное из лоскутьев мрака.

У меня остался только один шанс откатиться в сторону в момент удара. Я замер в ожидании, но в этот момент грохот выстрела ударил по ушам, и двор ярко осветило вспышкой.

Стреляли сверху – я успел краем глаза заметить длинный, метра на полтора, желтый хвост пламени. Заряд картечи попал Анфисе в грудь, отбросив ее на несколько метров в сторону. Лицо хищницы перекосила гримаса, она подняла руки в попытке сформировать очередной темный конструкт, но загрели еще выстрелы, откидывая дергающееся от попаданий тело еще дальше.

– Фу блин. Пронесло, – выдохнул я.

«Пронесло. Ага, меня тоже», – как любила приговаривать одна моя хорошая подруга.

Я откинул назад голову, легонько стукнувшись затылком о брусчатку двора, и глянул в звездное небо. Перед взором еще стояли слабые красные всполохи, как оставшееся эхо пламенеющих хвостов выстрелов из окна.

Долго расслабляться, впрочем, не стал – позволил себе отдыхать не больше двух секунд. Прыжком поднялся на ноги и подошел к дергающейся в агонии Анфисе-хищнице. Здесь рядом уже был и Дэвид, прихромала Жанна, придерживая порванное платье; вся расцарапанная, волосы растрепанные – улетела она далеко, в заросли кустов.

Дэвид и Жанна были бледными и ошарашенными, что неудивительно: зрелище умирающей культистки совсем не для слабонервных. Не отрываясь, оба смотрели на совсем недавно загорелую, а сейчас снежно-белую кожу хищницы Анфисы, под которой бугрились черные полосы вен по всему телу; смотрели на стеклянные глаза, заполненные мраком – как будто два блестящих черных камня в глазные яблоки вставили. Из глазниц, словно слезы, медленно текла маслянисто-черная тьма.

Дэвид негромко поминал черта, бога и святое дерьмо, а вот Жанна молчала – она уже достала телефон и снимала происходящее на видео. Как раз сейчас к нам подошел Матвей, с некоторым опозданием. Но опоздал он из-за уважи-

тельной причины – подошел Матвей со скамейкой в руках. Я видел краем глаза, как он недавно вырвал ее из земли – причем сомневаюсь, что мы смогли бы повторить это, например, вдвоем с Дэвидом.

– Не надо, не надо! – поднял я руку, останавливая Матвея от того, чтобы использовать скамейку. – Жанна, ты снимаешь? Отлично.

Вдруг послышался испуганный возглас Дэвида. Обернувшись, мы все увидели, как поднимается вторая «хищница-сестричка». На лбу у нее была заметна аккуратная дырка от пули, нижняя часть лица перекошена от попадания в челюсть, глаза вполне обычные. Не считая того, что мертвые. Но постепенно они мутнели, заполняясь темно-серой пеленой.

Дэвид, поминая все то же святое дерьмо, застыл на месте, Жанна так и держала телефон, снимая поочередно то агонию культистки Анфисы, то дерганые движения поднимающейся хищницы-сестрички, глаза которой уже помутнели так, что стали совсем темными. Еще не черными, еще без потек жидкой маслянистой Тьмы, но...

– Матвей, не дай ей обратиться! – крикнул я, выражая просьбу-побуждение, конечно, коряво, то, что в моменте в голову пришло.

Матвей, к счастью, оказался понятливым и в несколько шагов оказался рядом с восставшей из мертвых хищницей, ввалил ей скамейкой. Девушку в леопардовом платье отки-

нуло на пару метров, и почти сразу на нее сверху, словно ку-валда, вновь приземлилась карающая скамейка Матвея. Пoслышался чавкающий звук и хруст костей, после чего хищница замерла.

Как Матвей отработал скамейкой, я наблюдал краем глаза. Как и остальные: мы вновь во все глаза смотрели за агонией первой темной твари. Остававшаяся в ней Тьма разъедала тело, словно кислотой, вокруг Анфисы заворачивались дымком темные лоскутья. В полной тишине было слышно, как она царапает удлинившимися когтями брусчатку двора, как скребут по камню набойки тонких каблуков.

Прибежали из дома вооруженные Семенович и Антипенко. Семенычу я кивнул – как-никак он мне жизнь только что спас. Нет, я, конечно бы, еще побарахтался, сразу откланиваться не собирался, но все равно его помощь очень кстати. Дробовик, из которого была убита темная тварь, Семенович так и не отпускал. Отметил мимоходом, как у него сжимающие цевье костяшки побелели от напряжения.

Прибежали уже с соседней виллы и бойцы Семеновича, которых он отправил рассредоточиться по периметру. Ну да, нечего им пока на такое смотреть. Около минуты еще продлилась агония Анфисы, в результате которой Тьма полностью сожрала плоть, и на брусчатке двора осталось только маслянисто поблескивающее, словно выжженное черное пятно в подобии человеческого силуэта.

– Все сняла? – спросил я Жанну.

– Да, – кивнула она, выключая запись. И только сейчас вытерла бегущие из носа струйки крови. Далеко бегущие – уже спустившиеся через подбородок и шею в декольте платья.

Дэвид с Матвеем стояли рядом молча, изумленно взирая на происходящее. Только сейчас Матвей опустил скамейку, которая звучно лязгнула металлическими дугами ножек о брусчатку.

«Он ее все это время на весу одной рукой держал?» – только дошло до меня.

– Хэта што такое? – от волнения майор Антипенко заговорил явно на родном белорусском. – Это и есть твоя нечисть? – взял он себя в руки почти сразу.

– Во-первых, не моя, а во-вторых, это не нечисть.

– Демоны? – поинтересовался Семенович. Спросил спокойно, но сам бледный, и до сих пор белеют костяшки пальцев, крепко сжимающих дробовик. Был бы дробан помягче, из него бы уже сок капал.

– Нет, это не демоны. Культисты.

– И што хэта такое за культисты? – замполит вновь начал переходить на родной говор.

– Я готов вам все объяснить, но давайте сначала приберемся. Вот это, – показал я на черную лужу, – нужно накрыть чем-нибудь. Главное не касайтесь темных пятен, это смертельно опасно. Вот это, – показал я на тело оставшейся для меня безымянной хищницы, – надо бы или накрыть,

или убрать. Когда сюда придет охрана отеля, не хотелось, чтобы они увидели это.

Прибраться до конца мы не успели. Мы толком даже начать не успели – фары подъезжающей машины охраны осветили парковку. Но Семенович быстро сориентировался – сунул мне дробовик, а сам взял с собой Дэвида и ушел договариваться. Мы двинулись следом, но не доходя остановились – встав компанией так, что наша группа закрывала обзор из машины на уцелевшее тело хищницы.

Несколько минут прошло в напряженном ожидании, после чего машина охраны сдала задом и, мазнув по нам лучами фар, уехала. Семенович с Дэвидом договорились, отлично.

Тело безымянной хищницы убирать мы не стали – ее, как и темную лужу на месте гибели Анфисы, накрыли простынями. К ночи с моря поднялся ветерок, грозя сдуть легкую ткань, так что простыни мы прижали к земле по краям найденными неподалеку булыжниками тротуарной плитки. Сразу несколько небольших стопок этого оружия пролетариата, оставшегося после мощения двора, видимо, просто забыли вывезти, банально потеряв в кустах.

Что Семенович, что Антипенко уже связались со своим начальством, и для исследования тела и изучения Тьмы совсем скоро должна была прибыть команда криминалистов и специалистов. Сборная команда – так как за мной приглядывало теперь официально два ведомства, то это, похоже,

будут не только федералы.

Когда сборная команда приехала, мы все вместе – кроме ушедшей в дом Жанны, собрались на лужайке в беседке под звездами. Все отходили от потрясения. Я от понимания, что мог просто все мгновенно потерять из-за неосторожности, а остальные – ошарашенные от первого столкновения с темной нечистью. И после того, как старшим товарищам были изложены обстоятельства знакомства с хищницами в клубе, все взгляды скрестились на мне. Но только когда вернулась переодевшаяся и приведшая себя в порядок Жанна, был задан первый вопрос.

– Максим. Ты сказал, что это были культисты, – спросил Семенович обманчиво ровным и спокойным голосом.

Ну вот. Очень скользкая тема, сильно я ее избегал. Но сейчас, похоже, время рассказа пришло.

Глава 4

– Да, культисты. Мы до них еще не дошли в подробной классификации, а находятся они в ненаписанном пока нами параграфе «Заражение Тьмой».

– Максим, вот сейчас прошу внимания, у меня есть важный вопрос, – в голосе Семеновича послышались металлические нотки. – Почему мы до этого еще не дошли? И почему... – тут он явно сдержал усиливающее эффект слов междометие, – я первый раз слышу про каких-то культистов?

Я выдержал небольшую паузу, в ходе которой примирительно поднял руки с открытыми ладонями.

– Спокойствие, только спокойствие. Сейчас все объясню. Готовы слушать? Понадобится некоторое время, может, кто чай хочет, или?.. – увидел я непонимание моего вопроса.

– Максим, мы готовы, – мягко сказала Жанна, опередив комментарий Семеновича.

– Отлично. Итак, начнем. Одной из восьми основных стихий Круга стихий является Тьма. Взаимодействие с ней опасно заражением для души, и для тела. Теоретически должны быть люди, которым сила духа позволяет повелевать Тьмой, но никто про таких не слышал. Потому что Тьма поглощает. Тьму можно принять, и тогда у человека меняется душа. Ну и тело, конечно, – показал я маслянистую лужу на месте, где недавно лежала Анфиса.

Все одновременно повернулись, явно переживая заново картину увиденного, после чего снова посмотрели на меня.

– Но в первую очередь все же душа. Об этих людях, которые добровольно приняли Тьму, мало что известно. Их называют культистами, их организацию – Культ Тьмы. Но, как мне кажется, они сами суть Тьмы.

Семенович попытался что-то сказать, но я жестом попросил меня не перебивать.

– Мне довольно сложно формулировать мысли, чтобы сказанное было понятно, поэтому давайте сейчас основное расскажу, а вопросы потом.

Итак, когда Тьмой заражается умирающее тело, получается темный зомби, пустышка. Существо. Оно может, например, стоять на одном месте годами, пока команду не получит, или пока живую кровь не учует. Если же Тьмой заражается не умирающий, а живой человек, он может принять ее добровольно, становясь частью культа Тьмы. Но есть вариант не принимать, а сопротивляться Тьме. Тогда в результате может получиться одержимый, когда Тьма преодолевает сопротивление чужой души. Одержимые не сильно разумны, но это и не такие тупые организмы как зомби. Живая кукла, нацеленная на уничтожение живого.

Эта девчонка, похоже, сопротивлялась, – показал я на то место, где лежала успокоенная скамейкой девушка-хищница, вокруг которой работала группа криминалистов в костюмах биологической защиты. – Вот эта, – показал я на место,

где под пленкой осталась темная лужа от Анфисы, – наверняка приняла Тьму.

– Мэри разговаривала вполне адекватно, я бы не назвал ее «живой куклой», – вдруг произнес Дэвид.

Мэри. Вот как звали до сего момента безымянную сестричку-хищницу.

– Если она не была культисткой, а одержимой, скорее всего, Тьма поразила ее совсем недавно, может быть, даже пару часов назад. В этом случае первое время человек даже не понимает, что его душа уже пожирается Тьмой, живет как обычно. Доживает.

– Если ты поражен этой заразой, то остается выбор – или стать культистом, или стать одержимым? Сопротивляться бесполезно? – поинтересовался вдруг майор Антипенко, который к этому моменту явно собрал мысли в кучу.

– Если заражение темной скверной было некритичным, допустим, просто царапина, в которую попала Тьма, то ей можно сопротивляться и победить, получив иммунитет. Но вообще все индивидуально, зависит от стадии поражения и заражения. К примеру, в той стадии заражения, которая была у меня, из двадцати человек по статистике выживало двое-трое. Я выжил.

– У тебя есть иммунитет?

– Больше нет. Вроде бы нет.

– Это как?

– Иммунитета к Тьме меня лишило божественное каса-

ние. Полагаю, что так, но это неточно.

– Неточно, что божественное касание?

– Неточно, что лишило.

После этих слов в нашей беседке повисла полная тишина. Я поочередно осмотрел всех, кто молча взирал на меня с неммым вопросом.

– Это все только что изложенное было прелюдией к вопросу, почему я раньше не рассказал о культистах. Одно знание влечет за собой другое. Рассказав об одном, невозможно умолчать о другом. Ты помнишь, Семеныч, как в наших первых с тобой беседах я не упоминал слово «демоны», называя тварей только нечистью или мутантами?

– Помню.

– Тогда ты бы этого знания просто не принял. Тебя тогда даже от слова «демон» корежило, как вампира от чесночного духа. Это знаешь, как в школе: вначале нам говорят, что вычитать большее из меньшего нельзя. Потом говорят, что можно и показывают отрицательные числа, но объясняют, что нельзя делить на ноль. Потом объясняют понятие предела, но к этому времени есть уже новое правило – нельзя извлекать корень из отрицательных чисел. Дальше выясняется, что из отрицательных чисел тоже можно извлекать корни...

Лично мои знания заканчивались на понятии «предела», но эту меткую фразу я однажды еще в прошлом мире увидел в блоге и даже записал себе в блокнот, заучив, после чего

иногда использовал, чтобы при нужде выглядеть как умный.

– Так что, продолжая рассуждения, как бы вы все еще пару дней назад восприняли мои слова, что я лишился иммунитета к Тьме посредством божественного касания? Хреново бы восприняли, я гарантирую это. А сейчас зато слушаете и воспринимаете информацию почти как должное.

– Если бы я выглянул в окно без дробовика в руках, то тебя бы уже упаковывали в пакет, как и вашу новую подружку. Так что твоя идея дозированной информации едва не стоила тебе жизни.

Смысл в словах был, недавно все совсем на волоске висело. А хищницу Мэри, кстати, в пакет пока еще не упаковывали.

– Семеныч, я не утверждаю, что это была хорошая идея. Я тебе свою логику объясняю. Вас много, вы все умные, а я один и мне никто не верит. Кстати, а как ты вообще с дробовиком в окне оказался, причем на нашей вилле? Ты его зачем к нам принес, охотился на кого?

Семенович собрался было ответить, но Антипенко тронул его за руку. Они переглянулись и замполит, перехвативший нить беседы, зеркально повторил мой жест с открытыми ладонями.

– Об этом позже. Сейчас, Максим, расскажи нам, пожалуйста, о богах, хотя бы кратко. Что мы должны знать?

«Хотя бы кратко». Вот это вопрос так вопрос, мне бы самому кто еще об этом рассказал. Хотя бы кратко. Ладно, кро-

ме меня здесь никто этого не делает, так что надо попробовать.

– Сияние. Вы уже примерно понимаете, что это такое.

– Да, – раздалось сразу несколько голосов.

Бодрые какие. Я сам-то до конца не врубаюсь, что такое это Сияние, хотя жил в мире с ним, а они вот так сразу понимают.

– Мне бы ваши знания, – не сдержался и усмехнулся я.

– Сияние – это излучение, существующее в некоторых мирах. Кроме непознанных свойств она негативно воздействует на электронику и сложные системы, а также позволяет отдельным людям получить возможность управлять стихиями. Так? – спросила Жанна.

Как она красиво сформулировала.

– Да, все верно. Только не управлять, а повелевать, или обладать даром владения.

– Судя по тому, что ты говорил насчет... – кивнула Жанна на место гибели девушек-хищниц. – Не человек повелевает Тьмой, а Тьма человеком.

– Да, с Тьмой ситуация, как и со стихией Света. Это сложные к владению стихии, а я по умолчанию имею в виду четыре Элементарные. В общем, есть базис владения: наличие самой стихии, Аура владеющего и его Воля. То есть, чтобы повелевать стихиями, необходимый среди прочего фактор – измененная Сиянием астральная аура человека, она же пятый элемент, она же ментальная оболочка, она же душа. Из-

менения астральной ауры может происходить в разной степени...

Я сделал небольшую паузу, переводя дыхание. Меня слушали внимательно, не перебивая – вот что лицемерие живой Тьмы с людьми делает.

– Самая распространенная форма изменения души, ментальной оболочки – это первичная, когда человек получает возможность использовать артефакторные предметы. То есть предметы, которые действуют благодаря Сиянию. Не знаю почему, но мы – люди из миров, в которых нет Сияния, почти поголовно обладаем возможностью использовать такие артефакты.

– Может быть потому, что на нас это Сияние не воздействует постоянно, и у нас нет к нему иммунитета? Поэтому едва касаясь Сияния, наша астральная аура сразу же видоизменяется? – спросила Жанна, и добавила. – В отличие от людей тех миров, мы не рождаемся уже с воздействием Сияния, и наши... астральные оболочки более пластичные, или даже уязвимые?

Хм, а в этом что-то есть, я раньше об этом не думал. «Доктор, а вы точно семейный психолог?» – хотел я поинтересоваться у Жанны. Как-то глубоко она сходу вникает. Хотя, может, просто это я не очень умный, не претендую.

В общем, про «семейного психолога» не стал спрашивать. – Звучит довольно стройно, думаю, что так и есть. Ладно, поехали дальше – именно артефакторные технологии и,

соответственно, владеющие ими люди, обеспечивают основу государственности и само существование цивилизации живых в мире, которая находится от нас с другой стороны за аномалией Осколков. В том самом мире, из которого сюда к нам стремится нечисть. Артефакты в большинстве работают благодаря энергии, собираемой в кристаллах силы, которые растут благодаря непрекращающимся магическим бурям на Осколках...

– Максим, боги-то причем? – не выдержал Семенович.

– Я рассказываю, подождите. Итак, есть первичный уровень, который позволяет пользоваться артефактами Сияния. Следующий уровень изменения астральной проекции, вернее души, более глубокий. Это дар владения, передающийся по крови. Например, очень серьезные способности к владению стихией показывают потомственные ведьмы.

Было у меня в иных мирах сразу две знакомых ведьмы. Уровень владения они показывали действительно выдающийся – и если одна из них была жителем иного мира, то вторая пришла на Осколки вместе со мной, и уже там показала, на что способна. Так что знаю, о чем говорю.

Жанна, полагаю, тоже к ведьмам отношение имеет – готов зарубиться, если (или когда) она окажется в зоне действия Сияния, может серьезно удивить новыми способностями. Говорить сейчас об этом, впрочем, не стал.

– Людей, которые владеют даром повелевать стихийной силой, повелевать этой силой самостоятельно и без артефак-

тов, называют индигетами.

– Люди как боги? – спросил Антипенко.

– Да.

– Это же из римской мифологии.

– Я знаю. Почему их так называют, я точно не знаю.

На самом деле я знал, почему в иных мирах используют названия из римской мифологии, но это довольно долгая и невероятная история, поэтому рассказывать сейчас ее не собирался. Потом как-нибудь.

– То есть боги – это индигеты? – задал вопрос Семенович, трогая усы. Что у него, как я уже понял, было признаком крайнего напряжения.

– Нет. Индигеты – это могущественные в своем даре владения стихией люди. Боги же – это преодолевшие порог человечности индигеты, приобретшие невероятное могущество. Это уже не люди, а божественные сущности. Они могут двигать горы и осушать моря, хотя за таким в принципе редко замечены, у них там все сложно по откатам причины и следствия...

– Что? – спросило сразу несколько голосов.

Да, как-то я совсем непонятно задвинул. Задумался, почесал затылок.

– Третий закон Ньютона – сила действия равна силе противодействия. То есть если божество двинуло гору зачем-то, то это действие ему обязательно вернется обратно. Нет, гора обратно не задвинется, конечно, но воздействие вернет-

ся. Это называется равновесие мироздания... так, больше не спрашивайте, я с богами мало общался, сильно в их кухне не шарю.

– Ты общался с богами? Не с одним божеством, с несколькими?

Хм, похоже, зря я это сказал.

– Да, так получилось. Слушайте, в мирах Сияния с божественными сущностями довольно реально общаться, они там совсем недалеко от людей.

На меня смотрели с некоторым недоверием, так что развивать тему я пока не стал. Так-то я на Осколках не только с божественными сущностями общался. Одной богине, например, помог навсегда уйти красиво из мира, другой наоборот появиться и возвыситься. Впрочем, об этом, наверное, стоит в другой раз рассказать.

– Для работы многих артефактов Сияния используют энергию, собранную в кристаллах силы. Индигеты, для того чтобы повелевать стихией, аккумулируют энергию из Сияния в себе, в так называемом астральном Источнике, или просто Источнике. Боги же собирают энергию от своей паствы, от людей и нелюдей. Их сила – это Вера. Разница иных миров с нашим в том, что где присутствует Сияние, там боги находятся совсем рядом. С ними реально можно разговаривать, если ты достоин или вопрос крайне важный, или жертва щедрая...

Приведу пример двух богинь. Первая, богиня Света.

Она к людям снисходит очень редко, зато ее многочисленные жрицы служат проводником между людьми и богиней, генерируя энергию через спокойствие, преодоление, даже воздержание. А вот жрицы другой богини в соседнем храме тоже общаются с паствой, но делают для своей богини примерно то, что в нашем мире назвали бы развратом.

– Богиня Любви? – поинтересовалась Жанна.

– Жрицы богинь какой-нибудь любви тоже, наверное, так делают, но в данном случае я говорю о деве войны. Это довольно сложная тема, об этом с наскака не пояснишь.

«Образ несравненной Ассама прекрасен и вызывает влечение. На ее губах мед, в глазах сияние Солнца Степи, нефритовые уста сладкая патока; она – подательница жизненной силы. Угодны Ассаме и женская покорность, и любовь, и желание», – вспомнил я, как впервые услышал об этой богине.

От женщин Ассама требовала любовь и желание, а вот от мужчин нечто другое – причем так требовала, что залила кровью целый континент. Самая настоящая дева войны. Но говорить я о ней не хотел сейчас еще и потому, что именно с Ассамой среди прочих у меня недавно был заключен ситуативный союз, поэтому повел разговор дальше.

– Кроме того, я не раз упоминал при всех вас такое понятие, как река времени. Мы, обычные люди – и владеющие индигеты тоже, находимся в ней, живем в ней, мы словно плывем по течению времени. Боги живут как будто сверху – они здесь, они там, они всегда и везде. Они живут не толь-

ко в настоящем, но еще и в будущем. Каждая божественная сущность, чем сильнее у нее могущество, тем дальше вперед может видеть события в реке времени. Это как будто понимающий варианты развития партии шахматный гроссмейстер: как он смотрит на доску, просчитывая варианты дальнейшего развития событий, так и божества смотрят в будущее. Только гроссмейстер просчитывает в уме, а божественные сущности – видят, что будет. Но так примерно понятна аналогия?

– Да, – ответили мне сразу несколько голосов.

– Максим, – вдруг отвлек меня Дэвид, оборвав в момент, когда я рот для продолжения открыл.

– Да?

– Ты индигет?

– Нет-нет, – покачал я головой.

– Но у тебя же глаза в темноте светятся иногда, даже сейчас, когда рядом нет Сияния.

– Я не обладаю даром повелевать стихиями.

– Каким же даром ты обладаешь?

– Убивать тех, кто повелевает стихиями. На Осколках миров таких называют убийцами магов.

– То есть ты – убийца индигетов, – произнес Антипенко.

– Нечисть я убивал, в большом количестве. Индигетов – нет. Но теоретически я могу это делать, мне позволяет... – я задумался над тем, как объяснить. – Тактико-технические характеристики моего тела, при наличии Сияния, позволяют

мне на равных противостоять владеющим стихийной силой.

– Чтобы убить дракона, надо самому стать драконом, – вдруг выдала Жанна.

Я задумался над этим, впервые. Теоретически да, мне говорили, что я могу повелевать стихиями, но при этом умные люди советовали встать на путь «убийцы магов». Получается, что я так и так индигет? Или нет? Так, ладно, надо бы предыдущую мысль закончить. Только на чем я вообще остановился...

– Божественные сущности и твой иммунитет, – удивительно вовремя напомнил Семенович.

– А, да. Вот с одной из божественных сущностей у меня в ином мире как-то произошла знаковая встреча. Вернее, перед этим я сначала столкнулся с нечистью и получил небольшую рану зараженным оружием, после чего в моей крови оказалась чумная скверна, про нее я тебе рассказывал. Не темная, а чумная, это разные скверны, если что, – пояснил я для остальных. – Сразу я этого не заметил, а когда стало понятно, в чем дело, оставалось только два варианта. Либо склеивать ласты, либо... – кивнул я в сторону накрытой лужи, оставшейся после Анфисы.

– Либо заразить себя Тьмой, чтобы она выжгла чумную скверну, а после уже попробовать сопротивляться Тьме. У меня тогда все получилось, я получил иммунитет. Но после, во время встречи с одним божеством, у меня... можно сказать, очистили душу, вернули астральную проекцию

к заводским настройкам, после чего темной метки я лишился. Возможно, при этом лишился и иммунитета. Но в этом не уверен – хотя темная метка у меня с кожи пропала, может быть, не пропал иммунитет, я просто не знаю, как это работает. Учебников по теме на Осколках нет, а если и есть, то те, у кого они есть, читать их просто так не дают.

Я закончил говорить, после чего очень долгое время стояло молчание – все переваривали услышанное.

– Теперь вы поняли, почему я даю дозированную информацию?

– Не могу сказать, что это правильный подход, но мотив понятен, – кивнул Семенович.

– Семеныч, еще раз: я не говорю, что это хорошая идея, но других у меня не было, так что пользовался теми, что есть. Так ты скажешь теперь, почему ты с дробаном в руках по дому рассекал?

– А, это? Да, скажу.

Семенович, похоже, немного не в своей тарелке. Ну, так-то понимаю, увидеть вживую темных культистов и ломать представления и перестраивать весь понятийный аппарат в один момент – довольно сложно.

Раньше ведь он слушал меня, записывал, работал над услышанным. Но делал это в рабочем режиме – подспудно мне не веря. Словно работая над проектом, который никогда не претворится в жизнь, просто отработывая заработную плату. Сейчас же, я видел, он – наблюдая Тьму в нату-

ральном виде, явно пересматривал взгляд на мир и на мои прежние слова.

– Семеныч, с дробовиком-то ты почему оказался?

– Разлом в Новом Орлеане открылся, вторжение началось.

– Вторжение началось? – эхом повторил я вопрос.

Остальные трое: Дэвид, Жанна, Матвей также выглядели ошарашенными новостью.

– Да, вторжение началось, пару часов назад, – довольно буднично произнес Семенович. – Пойдем, покажу.

– Что покажешь?

– Видеозапись покажу. А ты что думал?

– Не знаю, что я думал. Пойдем, покажешь вторжение. Видеозапись.

У меня аж в горле пересохло, и руки подрагивать начали. Но как-то они оба спокойные с Антипенко. Или все уже закончилось хорошо, или же дело совсем дрянь – настолько, что оба и волноваться перестали. Может, как говорится, нету уже вашего Нового Орлеана.

Даже и не знаю, что предполагать.

Глава 5

На стол со звучным щелчком лег небольшой металлический кейс. На ядерный чемоданчик похож, как я его себе представлял – серебристый, с резиновыми накладками по углам.

Когда Семенович открыл крышку кейса, я понял, что вижу портативный персональный компьютер. Он же «комм» или еще десяток самых разных названий. Слова «ноутбук», что в переводе с английского «блокнот», а также «лэптоп», что в переводе означает «на коленях», в этом мире с портативными персональными компьютерами не ассоциировали.

Конкретно этот порткомм – «партком», как все произносили, был техникой армейской, защищенной. По идее, с ним можно сесть прямо в наполненную водой ванную, включить душ, чтобы сверху лился, и бесппроблемно работать, периодически отбиваясь этим чемоданчиком от атакующих бешеных собак, например. Так, пока Семенович оживляет технику из режима сна и открывает почту, а потом так же неторопливо выбирает сообщение с присланным видеофайлом, у меня в голову ерунда какая-то лезет. Которая тут же вылетела прочь, едва началось воспроизведение видео.

Едва появилась картинка, я понял, что снимала дежурная камера на крыше одного из небоскребов Нового Орлеана. На экране общая панорама города, камера смотрит в сторону

залива. Самое главное в происходящем – алое свечение, которое постепенно усиливалось, а вскоре вдруг сверкнуло яркой вспышкой так, что по экрану пошли помехи. Ночь стала красной, словно во время невероятной яркости багряного заката. Некоторое время весь мир вокруг был всех оттенков красного, но прошло еще несколько секунд и алое свечение полностью исчезло.

Накопленная над Разломом энергия Сияния была использована для открытия дверей между мирами. Я подумал об этом, но не сказал – картинка на экране сменилась, и мы теперь видели часть побережья с большой высоты. Картинка уже тепловизионная, во всей палитре градаций серого цвета. Под водной гладью угадывались яркие и массивные источники тепла – я насчитал больше десятка, а картинка все плыла вперед, показывая новые и новые ровные мерцающие белизной овалы.

Активные, ожившие порталы. Разной глубины цвета: побережье здесь изрезано отмелями и барьерными островами, так что порталы вдоль Разлома открываются как на приличной, так и на совсем небольшой глубине. И из некоторых уже показались как будто большие косяки крупных рыб.

Продолжалось это совсем недолго – изображение вдруг расцвело яркими пятнами, палитра серого исчезла, сменившись на белое сияние, периодически высвечивающее экран полностью.

– Глубинными бомбами забросали, – негромко пояснил

Семенович.

Съемка велась явно с большой высоты, с крупным увеличением. Но пятна на экране сейчас очень уж яркие, так что я вопросительно глянул на Семеновича.

– Изделие пять эф сорок восемь? – поинтересовался, намекая на глубинные бомбы с тактическим ядерным зарядом.

Семенович не ответил, но я понял – если и ошибся, то в номенклатуре, а не в принципе применяемого воздействия на противника. Вот чем мне нравится этот мир, что после Третьей мировой – никаких связывающих широту маневра ограничений. Партия сказала надо, и полетело сразу тактическое ядерное оружие, безо всяких душевных терзаний и боязни осуждения. Прямо по фон Клаузевицу, предостерегающему от доброжелательности и половинчатости усилий как от самых вредных и опасных ошибок в военном деле.

Видеозапись уже была остановлена, и Семенович сейчас вывел на экран карту береговой линии у Нового Орлеана, показывая на скопления отметок красных пятен вдоль подводного Разлома.

– Многочисленные источники теплового излучения, предварительно идентифицированные как «портальные окна», числом до двух сотен, открылись в шести областях побережья Мексиканского залива вдоль всего Разлома. Пять эпицентров выходов было уничтожено сразу, превентивно, – показал Семенович на карте места прорывов реальности,

по которым отработали глубинными бомбами. – Шестой эпицентр, самый малочисленный – всего двенадцать активных источников излучения, не тронули. Вскоре все они пропали. Похоже, проходы закрылись самостоятельно или же их закрыли после перемещения в наш мир всех гостей.

Вновь Семенович включил видеозапись, но теперь уже съемка велась с берега, с возвышенности. Снова стационарная тепловизионная камера, транслирующая широкий участок побережья во всей палитре серых оттенков. На экране видны фортификационные сооружения, высокий бруствер на удалении от берега, бронетехника в капонирах; по пустому пляжу параллельно растянуты сразу три густые полосы спирали Бруно – ограждения из колючей проволоки. Здесь явно готовились встречать силы вторжения – для того чтобы понять, с кем предстоит иметь дело.

– Они идут.

Ровный голос, заставивший меня вздрогнуть, раздался сквозь едва уловимое шипение помех. Надо же, эта картинка оказалась со звуком. Изображение оставалось неизменным – я наблюдал за ровной водной гладью, по которой расстелилась лунная дорожка, лишь слегка подернутая мелкой волной.

– Минутная готовность, – после совсем короткой паузы произнес все тот же ровный спокойный голос.

Я бросил короткий взгляд на Антипенко. Мы определенно наблюдали за оборонительными позициями советской

морской пехоты, так что не будь сейчас майора с нами, и эту запись мы бы возможно не увидели. Сразу бы не увидели, по горячим следам.

– Они здесь, – снова знакомый ровный голос.

В этот момент море вспенили взлетающие высоко вверх белые столбы. Водная гладь на удалении от пляжа превратилась в полосу бушующего ада, куда снаряды и пакеты реактивных систем ложились пачками, постепенно приближаясь к берегу следом за двигающейся под водой нечистью. Артиллеристы работали ювелирно, огневой вал приближался к берегу постепенно, подходя уже к самой полосе прибоя на пляже.

С момента первых взлетевших вверх водных столбов я наблюдал за изображением так внимательно, что только сейчас вспомнил, что забыл, как дышать. И только когда сделал первый вдох, огонь прекратился, практически одновременно. Береговая полоса пляжа теперь напоминала лунный пейзаж – особенно в сером тепловизионном режиме съемки.

Несколько долгих, очень долгих и от этого томительных секунд ничего не происходило. После этого на поверхности водной глади начали одна за другой появляться фигуры. Мелкие на общей панораме видео, совсем крошечные. Большинство плавало неживой массой, среди которой постепенно проявлялось движение. Качество видео высокое, так что мы могли разглядеть, что выжившие пришельцы – гуманоидные. Низкорослые, согбенные.

Вот из-под воды к пляжу устремилось две фигуры, еще чуть погодя еще три, вот несколько групп по четыре-пять, скопление по шесть-семь-восемь, а дальше я уже считать перестал. Двигались большинство из выбирающихся на берег неуверенно, как получивший хороший удар в голову боксер. Не все – вот кучка сразу из пяти-шести тварей сбилась в тесную группу. Едва оказавшись на песке пляжа, они разом упали на четыре лапы и бегом устремились к заграждениям колючей проволоки.

Эта активная группа находилась совсем неподалеку от камеры, так что я узнал вид нечисти: крысолюди. Или – как их повсеместно называли на Осколках, скавены. Название крысолюдей из вымышленной вселенной «Вархаммер», которое принесли на Осколки жители с Земли – из моего мира. Так и закрепилось именование «скавены» за крысopodobными мутантами.

Именно они сейчас темной разрозненной массой появлялись из воды и, собираясь в группы, бежали в сторону укреплений. Их становилось все больше и больше – уже вся линия прибоя превратилась в живую массу тварей.

Колючая проволока для тварей не стала непреодолимой преградой – ее постепенно заваливали телами первые атакующие группы. Для нас действие происходило почти в полной тишине, иногда разбавляемой шелестом помех и ровным спокойным голосом, отдающим команды. Но на побережье в этот момент тихо точно не было: скавены во время атаки

стоями очень мерзко и противно орут, даже визжат. От одной твари шумом бьет по ушам, а когда их сотни и тем более около тысячи, оглушающий эффект очень серьезный.

Кроме того, с берега постепенно начинало стрелять все то, что могло стрелять. Сначала я видел лишь отдельные росчерки трассирующих пуль, после которых атакующие твари нечисти падали. Некоторые не двигались, некоторые бились в конвульсиях агонии, разрывая когтями песок. На пляже между тем песок снова взметнулся вверх полосой разрывов. Мины.

Еще чуть погода заработали доселе молчавшие пулеметы – явно сначала проверяли гипотезу опасности автоматического огнестрельного оружия для стрелков. И сейчас, когда негативного воздействия не увидели, вдарили со всех стволов. Массу вылезавших на пляж тварей буквально разрывало на куски, только летели ошметки по сторонам.

Пляж скавены так и не пересекли – спирали колючей проволоки в трех местах завалены телами, создавая проходы, но уже до бруствера линии укреплений добежали считанные единицы. А те одиночки и небольшие группы, кто добежали, были оглушены и захвачены штурмовыми командами. Я видел, как работает сейчас одна из таких команд прямо под нашей камерой.

– И так везде, – сообщил мне Семенович, когда видеозапись остановилась стоп-кадром. – Из двенадцати нетронутых порталов, по предварительной оценке, появилось около

семи тысяч тварей. Опять же предварительно – все крысолюди по твоей классификации. Атакующая масса еще под водой разделилась на четыре основные группы, выход на берег происходил в разных местах, все попытки успешно купированы. Как крысолюди дышали под водой и дышали ли вообще по мере движения к берегу, пока непонятно.

В голосе Семеновича вполне ощутимо слышалось удовлетворение и что-то еще. Я сначала не понял, что именно, и только чуть погодя догадался: «От него кровопролития ждали, а он чижика съел».

Все последние недели я раз за разом повторял что нечисть – страшный противник, которого нельзя недооценивать и нужно принимать всерьез. Сейчас же, после того как прорыв нечисти был закрыт с удивительной легкостью, Семенович скорее всего, уже сформировал мнение насчет меня, по типу «у страха глаза велики». Пусть даже и непроизвольно это сделал.

На фоне всего этого, наверное, даже стоит поблагодарить судьбу, что сегодня меня пытались убить темные твари. Иначе впечатление от первого прорыва нечисти у окружающих меня людей было бы гораздо более наполненным эйфорией легкой победы.

Окно видеоплеера Семенович уже свернул, и под ожидающими взглядами я долгое время смотрел на картинку горы Эльбрус, стандартный фон рабочего стола МСВС – операционной системы, используемой силовыми ведомствами Рос-

сии и всего Союза.

Жанна, Дэвид и Матвей молчали, но видно, что только воспитание и субординация заставляют их сдерживаться от комментариев. Семенович же с Антипенко выглядели, я бы назвал это состояние, сдержанно-удовлетворенно, причем оба этого не скрывали. В моем мире кто-нибудь из них, полагаю, обязательно бы сейчас спросил меня: «Ну и как тебе такое, Илон Маск?»

Чувства присутствующих понять могу, ведь, полагаю, прорыв закрыли без потерь – как в людях, так и в технике. Надеюсь, еще вылезшие невзвесть откуда оторванные от реальности проверяющие (такие, наверное, в любом мире есть) никому из командиров на земле голову с перерасходом снарядов, например, компостировать не будут.

– Автоматическое оружие работало штатно, никаких проблем замечено не было. Никаких проявлений... магии, – переборол и все же произнес это слово Семенович. – Подтвержденными пока противниками выступали нечеловеческие существа, классифицированные как «крысолюди». Часть сейчас захвачена живыми и изучается. Также ведется поиск тел на месте превентивно уничтоженных эпицентров порталных окон.

Снова после слов Семеновича в комнате повисло молчание. Я речи говорить не очень умею и сейчас лихорадочно думал, что же сказать. Потому что по взглядам хорошо видно, что от меня ждут комментариев. Очень ждут.

– Под запись? Или запомните? Я кратко попробую, – осторожно поинтересовался я, когда пауза уж очень затянулась.

– Попробуй кратко, – хмыкнул Семенович.

– Первое и самое главное: хочу предостеречь от чрезмерной эйфории. То, что я только что увидел – это явно изучение наших возможностей. Так же, как сейчас мы смотрели, и еще будем смотреть другие видео попытки вторжения, не менее пристально будут смотреть и изучать произошедшее с другой стороны.

– Ты полагаешь, крысолюди также вели видеозапись?

– Да. Не в привычном нам понимании, конечно же, – увидел я удивление во взглядах. – Полагаю, что с некоторыми особями была налажена ментальная связь, и лидеры нечисти наблюдали произошедшее чужими глазами или в реальном времени, или же действительно могут наблюдать в записи. Это не самое главное. Прошу обратить внимание на то, что легкость, с которой была отражена попытка вторжения, а также отсутствие каких-либо серьезных сил среди атакующих порядков намекает на то, что это – банальная разведка боем. Также я полагаю, что подобных прорывов будет еще несколько, практически не отличаясь по своей сути. Все дело в активности Сияния, – сбившись, пояснил я. – В ближайшие недели или месяцы небо снова начнет раскрашиваться алым Сиянием. Когда энергии будет накоплено достаточно, порталы снова откроются. И происходить это будет до того момента, пока нечисть не разработает тактику противо-

действия применяемым вооружениям. Да, я уверен, что они будут убиваться о линии защиты с постоянной периодичностью настолько часто, насколько будет позволять скапливающееся над Разломом концентрация Сияния. И в один момент вместо привычных легких целей, как сегодня, на прорыв хлынет самая настоящая орда.

Судя по взглядам, к моим словам Семенович и Антипенко отнеслись довольно скептически. Я выдохнул и потер лицо руками.

– Когда пройдет победная эйфория, мне бы хотелось, чтобы меня соединили с Дмитрием Родионовым. Я хочу к этому времени подготовить некоторые аргументы и озвучить их ему.

– Какие аргументы? Про разведку боем?

– Да. Главная цель нечисти – захватить весь континент. К этому нужно быть готовыми и этого нельзя допустить.

– Мы услышали тобой сказанное. Имело место...

– Вы не понимаете, – даже взмахнул я рукой, пытаюсь сдержать раздражение от чужого непонимания. – Пять секунд буквально дайте подумать...

Еще раз потеряв лицо и взъерошив волосы, я снова вздохнул, собираясь с мыслями и пытаюсь сложить их в понятные слова.

– Семеныч, ты же помнишь. что я тебе говорил про суть нечисти? Даже сбросив со счетов вообще все остальные виды, скорее всего. не участвовавшие в этом прорыве, возьмем

только скавенов, которых мы только что видели... крысолюдей, – пояснил я для Дэвида и Матвея, которые этого определения явно раньше не слышали. – Скавены живут большими стаями, но они в большинстве живут совершенно иначе, не как крысы или как люди. Да, их общности называют стаями, но это не совсем отражает действительность. Скавены обладают живучестью тараканов, при этом образом жизни они в массе как муравьи или термиты, подавляющая их часть подчиняется единому разуму улья. Более верное определение – колония, а не стая.

Я перевел дыхание. Меня слушали и не перебивали, это хорошо.

– Изначально скавены – продукт мутации, люди с добавлением крысиного генома. Это были клоны, которые размножались по примеру колоний муравьев, личинками, или кладками яиц, не знаю как грамотно назвать. Но за последние годы произошли серьезные изменения: у части скавенов берет верх человеческое начало, и есть сведения, что традиционное размножение, как у людей, в некоторых стаях скавенов уже преобладает над гнездовыми мутациями под воздействием нечистой силы Сияния. При этом общество скавенов поделено на несколько каст, переход из одной в другую невозможен, несмотря на то, что у них в каждой отдельной стае у всех скавенов одинаковая ДНК, но различия в форме и видах особей зависят от эпигенетических меток, если вы знаете, что это такое...

Судя по взглядам, знали не все. Я тоже не знал, просто слышал об этом на Осколках и запомнил. Так что углубляться в тему не стал – умное что-то выдал и хватит. Теперь снова пора вернуться к тому, что понимаю.

– Есть специализированные особи: рабочие, воины, рабы, еда – да, они друг друга жрут, в том числе в голодные годы. И кроме этих подчиненных и на все согласных каст есть высшие касты, которые уже обладают разумом, схожим с человеческим, и которые договороспособны. Именно вожаки отдельных стай заключают союзы не только с другими видами нечисти, но и темными культистами, а также с отдельными лидерами человеческой цивилизации. Да-да, с лидерами той самой цивилизации живых, которой сейчас грозит уничтожение в ином, соседнем с Осколками мире. Именно высшие касты, которые живут не единым разумом стаи, а живут по образу и подобию человека, управляют основной массой скавенов. Причем чем дальше растёт развитие скавенов, тем больше, по экспоненте. Снежный ком, – пояснил я на всякий случай. – Наличие Сияния плюс очеловеченный разум вожаков дает не представимые возможности для нечисти в плане самостоятельных управляемых мутаций...

– Нечисть изначально создавалась людьми как инструмент, над которым просто потеряли контроль? – вдруг спросила Жанна.

– Не знаю насчет всей нечисти, – покачал я головой. – Насчет скавенов тоже не знаю, если честно, но есть основания

полагать, что именно так и было. Слышал я такие намеки. В другом мире, с которым связаны Осколки с другой стороны, именно орды скавенов смогли потеснить людскую цивилизацию живых и захватить себе целый континент. Заразив его – теперь внимание, чумной скверной. Если следов чумой скверны в телах найденных и захваченных скавенов не найдете, значит, моя версия о разведке боем верна даже не на сто, а на все двести процентов.

– Как выглядит чумная скверна? – поинтересовался Антипенко.

– Примерна та же срань, что и черная, – в сердцах махнул я рукой в сторону улицы, где сейчас работали криминалисты. – Только чумная.

– Как информативно, – едва слышно хмыкнул Матвей.

– Опасная псевдоживая субстанция, заряженная на захват или уничтожение человеческого тела и души? – сформулировала вдруг Жанна.

– Да, – кивнул я, поразившись простоте определения. – Чумная скверна это, если а-ля натурель, вязкая жижа коричневого цвета, с вкраплением черного и темно-зеленого. Смотрите на глаза и оружие скавенов. Если есть следы в глазах – значит тело захвачено скверной. Еще могут быть следы на оружии – используется для заражения, меня заразили именно так. Но я уверен, что чумной скверны ни у кого вы не найдете, этот козырь наверняка пока не собираются показывать.

Вдруг заговорил Матвей.

– Ты так легко говоришь о разведке боем без надежды на результат, но эти тысячи и тысячи крысолюдей, которые перли на берег, они так спокойно отнеслись к своей участи?

– Да. Их никто не спрашивал, а сами они спрашивать неспособные. Это инструмент, рабочие особи. Вожаки стай и их союзники сейчас будут и дальше гнать на убой раз за разом тысячи и тысячи рядовых скавенов, просто для того, чтобы посмотреть, как люди этой планеты умеют сопротивляться. Низшие касты скавенов не обладают свободой воли, они просто живой инструмент, груша для того, чтобы выработать тактику и стратегию. А теперь представьте! – поднял я руку, останавливая желавшего что-то сказать Семеновичу.

– Теперь представьте, что через год-два море вдруг отодвинется, а после хлынет на берег огромной волной цунами. Одновременно по всему побережью пойдет десяток ураганов и смерчей, а весь разлом и окружающее побережье застелет так называемая магическая Пелена. Туман, сквозь который не видно ничего, в том числе никакими системами слежения и обнаружения. И только после этого откроются порталы, а на оборонительные линии ошеломленных и расслабленных рутинной защитников двинут уже не десятки, а сотни тысяч тварей. Причем первые ряды их будут измененными, новыми видами – способными передвигаться под водой не так неуклюже, как обычные твари, которые шли в атаку сегодня.

И среди атакующей орды будут не только скавены, но и демоны, и владеющие магией твари, колдуны, шаманы – весь набор. Автоматическое оружие в магической Пелене станет опасным для жизни, ракеты и самолеты до порталов просто не долетят. При этом одновременно будет открыт второй разлом где-нибудь на севере материка. Здесь даже ядерное оружие не поможет, просто потому что вся земля Северной Америки будет захвачена не просто ордой нечисти, а чумной скверной. Ее всю выжечь не получится, с таким раскладом еще и Южную Америку есть вариант потерять. И я очень хочу, чтобы те люди на этой планете, которые принимают решения, держали в уме такой вариант развития событий и были к нему готовы.

На некоторое время вновь повисла пауза. На экране компа между тем, пока я говорил, раз за разом появлялись иконки оповещений. Семенович после моих слов отвлекся, развернул список входящих – в большинстве это были новые информационные видео с мест вторжения. Он жестом предложил мне и остальным посмотреть, я только рукой махнул – ничего нового там все равно не увижу. Нечисть я видел и убивал не на экране, а любоваться избиением сейчас желания не было.

– Ты так говоришь «выведут новые виды», как будто это быстрый процесс, – вдруг произнес Антипенко.

– Да, это быстрый процесс. Я раз за разом повторяю вам такое определение как «астральная проекция». В ми-

рах с Сиянием изменения, они же мутации, могут происходить буквально в ручном режиме. Смотрите! – я вытянул руку и сжал кулак. – Видите ямочку на запястье? Это следствие работы мышцы моего тела, которая отвечает за выпуск когтей. У меня, у человека разумного, предки которого когти уже миллионы, или сколько там лет когти не выпускают! У некоторых людей этой мышцы больше нет, потому что наш вид изменяется в ходе эволюции.

С Сиянием все совсем не так. Вы же видели все, как у меня глаза в темноте светятся? Достаточно чуть-чуть изменить параметры астральной оболочки, просто надо делать это умело и аккуратно, и после этого под воздействием измененной астральной оболочки уже меняется физическое тело. И для этого нужны не десятки тысяч лет, а условные несколько часов.

– Так легко? – снова спросил Антипенко.

– Главное в этом процессе – умение работать с астралом. Незначительные изменения происходят легко. Серьезные могут искалечить и даже убить, загнав физическое тело, словно в мясорубку – порвет и перекрутит. Подобные эксперименты с людьми находятся в довольно жестких рамках, начерченных кровью неудачных попыток изменений, а тем же скавенам или гоблинам...

– Гоблинам? – удивился новому названию Дэвид.

– Да, это один из видов нечисти.

– Если скавены – крысособаки...

– Крысолюди.

– Неважно, ты понял. А гоблины с кем скрещивались?

– Гоблины ни с кем не скрещивались, это изначально люди, просто измененные не в лучшую сторону.

– Как выглядят?

– Выглядят довольно отвратно. Как гоблины, я даже не знаю, как объяснить.

– Орков случайно в номенклатуре нет? – поинтересовался вдруг Матвей.

– Вы же помните, что я недавно говорил про богов? На Осколках есть бог Орк. Оркус, как его называют неправильно.

– Почему неправильно?

Жаль, но Рассел Кроу в фильме «Гладиатор» здесь не снялся, так что пример с полководцем Максимом, которого в русском переводе повсеместно ошибочно называли Максимусом, мне было не привести. Так что пришлось использовать как пример себя.

– Потому что по правилам латыни окончание «-ус» указывает на мужской род и не читается. Мое имя на латыни пишется как Максимус, а читается как Максим. С Оркусом и Орком такая же история. Так вот, он весьма сильный и почитаемый бог, считается покровителем стражей границ и тюремщиков, там это крайне уважаемая профессия, если что. Так вот, я к чему: на Осколках есть твари нечисти – мутация гоблинов с добавлением генома змеи. Серпенты, как их

называют официально, или хобгоблины или просто демоны в разговорной речи. Пришельцы с земли сначала пробовали называть их орками, но из-за имени божества, после нескольких эксцессов, не прижилось.

– Орк, это ведь тоже из римской мифологии, – произнес вдруг Антипенко.

– Да.

– Так что с изменениями скавенов и гоблинов? – напомнил мне Семенович, возвращая в обсуждение.

– Их могут гнать в вивисекторные камеры сотнями безо всяких проблем, так что у нечисти вопрос мутаций решается довольно быстро. У людей же это... сейчас, пять секунд.

Я поднялся и прошел в свою комнату. Здесь из привезенных Дэвидом из гостиницы Галфпорта вещей забрал массивный перстень с желтым камнем. После этого вернулся к остальным.

– Вот это – артефакторный меч, – показал я остальным перстень. – Когда я окажусь в зоне действия Сияния, я с помощью перстня могу вызвать из пространственного кармана меч с клинком, усиленные стихийной энергией. Мое тело обучено обращаться с этим мечом посредством слепка знаний, который был интегрирован в мою астральную оболочку и изменил мое физическое тело и физические возможности. В зоне действия Сияния мое тело приобретает возможности, значительно превосходящие человеческие – например, смогу всем вам снять головы с плеч, а вы этот момент просто

не заметите, потому что не увидите моего движения, только смазанный росчерк...

Так, похоже, на фоне зрелища вторжения я увлекся и слишком много лишнего наговорил.

– Наш разговор не пишется? – поздно спохватился я.

– Нет, – ответил Семенович.

– Нет, – покачал головой Антипенко.

– Хорошо. Информацию про меч попрошу никому не рассказывать, в свете, вернее, во тьме недавних событий, – кивнул я в сторону улицы. – Я еще жить хочу, и не хочу слишком много о себе рассказывать.

– Много таких, как ты? – спросил Антипенко.

– Вот, об чем и речь. Людей, которые способны использовать артефакты Сияния – много. При этом людей, которым безопасно доступны серьезные изменения астральной оболочки, уже гораздо меньше. Если же речь про убийц магов, то их даже меньше, чем владеющих стихийной силой индигетов. Мой случай, так скажем, штучный. И каждый человек, обладающий широкой возможностью развития – это редкость, просто потому что изучения безопасных путей оплачиваются жизнями. У нечисти подобной проблемы не стоит.

– То, что таких, как ты, меньше, чем индигетов, это их заслуга или недоработка таких, как ты, убийц магов? – спросил Семенович.

– Если честно, даже не знаю. Все случаи, когда мы с магами пытались убить друг друга, никак не были связаны с клас-

совой принадлежностью, так что о наличии вражды я бы говорить не стал. Знаю только, что если есть возможность стать на путь убийцы магов, позволяющий на равных соперничать с владеющими индигетами, от него отказываться не принято.

– А сколько таких культистов? – показал Антипенко в сторону улицы, намекая на девушек-хищниц. – И сколько их уже может рядом с нами ходить? Как им противодействовать?

Я задумался. Параллельно, пока в беседке говорили про богов и обсуждали вторжение, я думал и об этом.

– Пока на всей Земле повсеместно нет Сияния, нет даже его эха, они страшны только как убийцы. Чистая Тьма – как способ изменения и захвата души активна только на Осколках, или непосредственно над Разломом. Девушки явно не местные.

– Ты в этом так уверен? Сияние же горит на небе, значит оно уже в нашем мире.

– Оно сконцентрировано только над Разломом. Это как радиация...

Я замялся. В этом мире не было Чернобыля, и мне не привести знакомый пример локального выброса. Хотя чего это я, в этом мире Третья мировая война была с применением оружия массового поражения. Об этом и сказал, сравнивая радиационное заражение местности, не выходящее за определенные границы. И подытожил сказанное:

– В нашем мире сейчас нет Сияния. Вернее, оно есть,

но локальное – только у Нового Орлеана, буквально как газовый факел на месторождении. Который сейчас, после прорыва, еще и потух на время. Вот, смотрите, – я надел перстень на указательный палец и сжал кулак, провернув большим пальцем перстень так, что печатка оказалась внутри.

– В этот момент, если бы рядом была достаточная концентрация Сияния, в моей руке должен был появиться меч. Сейчас меча не видно, но он есть – так же, как наша с вами астральная проекция. В отсутствии Сияния их просто не пощупать. А так как у нас у всех с вами сейчас нет ярко выраженной и высвеченной Сиянием астральной проекции, Тьме как стихии просто не за что зацепиться. Наши души никак не захватить, только если убивать вредным воздействием. Причем я не уверен, что оно будет таким смертоносным, как в зоне действия Сияния. И Тьма, которая оказалась в телах хищниц – автономна. Это сложная, а не элементарная стихия, она способна существовать, сжигая саму себя, используя внутренний ресурс – вы же видели, как тело убитой исчезло, самоуничтожаясь. Сжигаемой Тьмой даже. Вполне возможно, что тело также исчезло бы и в случае, если бы у нее получилось меня убить...

В этот момент у меня вдруг появилась догадка, что культистки если и собирались меня убивать, может быть, они собирались это делать без помощи Тьмы. Не переставая обдумывать эту новую мысль, параллельно я продолжал:

– Приняла Тьму, пытавшаяся меня убить, культистка

или не в этом мире, или где-то совсем рядом с Разломом. Но я все же уверенно полагаю, что она – пришедшая, возможно, из моего старого мира. Так что в идеале было бы обработать все связи ковбоя, с которым мы играли в покер, и понять откуда вообще хищницы взялись.

– Уже давно работают над этим, – кивнул Семенович. – Ты скажи лучше, как отличить этих культистов?

– На Осколках их узнать довольно легко – человека с бледной, как снег, кожей и заполненными Тьмой глазами ну никак не пропустишь.

– У девушек кожа была не бледной.

– Когда Анфиса умирала, ее кожа побелела. В зоне действия Сияния культисты так постоянно выглядят. Но здесь, конечно, пока сложнее. Фонарик есть? – вдруг промелькнула у меня идея. – Хочу кое-что попробовать.

Матвей достал из кармана и протянул мне простой светодиодный китайский фонарик. Я сразу же двинулся на улицу и поманил всех за собой. Мы вышли во двор, где я прошел к телу убитой хищницы Мэри.

Сборная команда криминалистов пускать к телу меня не хотела, но Семенович разрулил, после чего я присел рядом с телом и расстегнул мешок. На меня глянули подернутые мутной поволокой глаза, в которые я и посветил фонариком. Реагируя на яркий свет, глаза сразу же заполнились непроглядным мраком.

– Пожалуйста. Периодически проверять светом всех

и каждого на критических должностях и объектах, – обернулся я к спутникам, после того как застегнул пакет с хищницей.

Проведенная проверка серьезно впечатлила всех не только простотой, но и результатом, так что возвращались на виллу в молчании.

– Максим, – негромко обратился ко мне Семенович, когда мы вновь оказались в гостиной.

– Я.

– Ты имеешь обыкновение постоянно носить солнцезащитные очки. Это что-то значит?

– Да.

– Позволь спросить – что?

– Вы все знаете принципы работы рунной защиты?

– Я не знаю, – в один голос на разных языках произнесли Матвей и Дэвид.

– Рунная защита – это, грубо говоря, татуировка, которая наносится не только на физическую, но и на астральную оболочку. У нашего тела есть энергетические каналы, с которыми можно совместить орнамент рунной защиты. Рунный орнамент базируется на стихии – он не красками наносится, а чистой стихийной энергией. Это как раз то самое безопасное изменение астральной оболочки для людей, которое я упоминал. Для нанесения рунного орнамента можно выбрать только одну стихию. Как правило, это три элементарных: Вода, Воздух, Земля...

Когда начал говорить, увидел в глазах слушателей недоумение. Все же вопрос был про мои глаза и солнцезащитные очки, а не про рунный защитный орнамент. Но по мере того как я говорил, недоумение во взглядах сменялось интересом.

– ...комбинировать стихии при нанесении орнаментов нельзя, а каждая защищает только от определенных типов повреждений. Не полностью защищает, конечно же, вопрос личных способностей и силы удара. Но в зоне действия Сияния попадание сразу нескольких пуль я, например, вполне выдержу.

– Что с Огнем, это ведь тоже элемент? – спросил Антипенко.

– Какая у тебя защита? – поинтересовался Семенович.

– Это как магический бронежилет? – озадачился Матвей.

– Какие бывают типы повреждений? – задал вопрос Дэвид.

Все четверо спросили в один голос, и только Жанна промолчала. Лишь внимательно смотрела на меня блестящими в полумраке глазами.

– Типы повреждений бывают разные, – не стал я углубляться в классификацию физических и магических типов. – Огонь элемент, да. Более того, Огонь может дать комплексную защиту, но это крайне опасно.

– Огонь может сжечь душу? – неожиданно догадалась Жанна, которая на лету подхватывала знания.

– Именно. Если нанести рунный орнамент на основе стихии Огня, можно выжечь себе душу. Огонь силен и он поглощает почти все, к чему прикасается – так что даже если орнамент стихией Огня нанесен без проблем, неприятности могут догнать позже, в процессе.

– Макс, с глазами-то у тебя что? И с защитой? – напомнил о своих не получивших ответ вопросах Семенович.

Я выдержал паузу и медленно выдохнул. Демонстративно показывая, как мне не нравятся столь выбивающие из колеи рассказа вопросы.

– Я к этому веду, и как раз начинаю рассказывать. У меня нанесена защита рунного орнамента на основе Адского пламени. Это одна из разновидностей Огня, его иногда называют демоническое пламя. Для души, для сильной души, это неопасно. Например, адским пламенем оперируют почти все ведьмы, и это дает им комплексную защиту. Вот только я не ведьма и не ведьмак, у меня нет предрасположенности к демоническому пламени в крови, так что после нанесения защиты случилось побочное явление. Глаза, как вы знаете, зеркало души, и в зоне устойчивого действия Сияния у меня глаза немного не похожи на человеческие. В принципе, у любого из тех, кто повелевает стихиями, глаза отражают стихийную силу самым разным магическим образом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.